



Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian (Slavic) State University
Kuban State Technological University
Kuban State University
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

**ETHNOCULTURAL IDENTITY AS A STRATEGIC
RESOURCE OF CONSCIOUSNESS OF SOCIETY
IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION**

Materials of the IV international scientific conference
on September 28–29, 2016

Prague
2016

Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization : materials of the IV international scientific conference on September 28–29, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – 77 p. – ISBN 978-80-7526-130-4

ORGANIZING COMMITTEE:

Asya S. Berberyan, doctor of psychological sciences, professor, head of the psychology department at Russian-Armenian (Slavic) State University.

Nara R. Akopyan, doctor of psychological sciences, professor, head of the department of social psychology of the International Scientific-Educational Center of NAS RA.

Suren G. Oganessian, doctor of philosophical sciences, head of the philosophy department at Russian-Armenian (Slavic) State University.

Valeriy G. Sidorov, doctor of philosophy, professor, head of the philosophy department in the Kuban State University, honorary worker of higher professional education, honored science worker of Kuban.

Leonid V. Karnaushenko, doctor of historical sciences, head of the philosophy and sociology department in the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Lyudmila N. Ozhigova, doctor of psychological sciences, professor of the general psychology department at Kuban State University.

Oganes L. Sarkisyan, candidate of philosophical sciences, head of the politology department at Russian-Armenian (Slavic) State University.

Oksana R. Tuchina, candidate of psychological sciences, assistant professor of the philosophy department at Kuban State Technological University.

Ivan A. Apollonov, candidate of philosophical sciences, assistant professor of the philosophy department at Kuban State Technological University.

Ilna G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization. Some articles deal with interrelation of personal and social identity. A number of articles are covered ethno-cultural principles and values in forming personal identity. Some articles are devoted to states and societies in search of regional identity. Authors are also interested in development of ethnic and personal identity in the context of intercultural exchange.

UDC 316.3

ISBN 978-80-7526-130-4

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2016.
© Group of authors, 2016.

CONTENTS



I. INTERRELATION OF PERSONAL AND SOCIAL IDENTITY

Берберян А. С., Берберян Э. С.

Исследование и развитие позитивной этнической идентичности
на основе осознания смысложизненных ориентаций
у русских и армянских студентов.....5

Волков С. Н.

Самоидентификация молодого человека в эпоху виртуализации бытия
(к проблеме экологического сознания) 13

II. IDENTITY OF THE YOUTH IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMING SOCIETY

Егорова Ю. А.

Роль идеала для молодежи в условиях трансформирующегося
общества 17

III. IDENTITY OF THE YOUTH IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMING SOCIETY

Цеева Л. Х., Панеш Б. Х., Симбулетова Р. К.

К вопросу трансформации этнической идентичности в условиях
поликультурного пространства..... 21

IV. STATES AND SOCIETIES IN SEARCH OF REGIONAL IDENTITY

Goncharov V. N.

Ethnic identity in the context of development of society and state 28

Акинфеева И. И., Дондокова Л. М.

Материальная культура бурят как платформа для становления сувенира
Республики Бурятия 31

Афинская З. Н., Кулаженкова Л. Н.

Город как семиотическое пространство 37

Саегалиева Ф. Ф.

В поисках новой идентичности: «Русский мир» 44

V. ETHNO-CULTURAL PRINCIPLES AND VALUES IN FORMING PERSONAL IDENTITY

Афашагова А. А., Ожева Ж. М.

Потенциал этнокультурных норм и ценностей адыгов
в развитии этнического самосознания личности.....46

Глазкова С. Н.

Динамика употребительности диминутивов со значением родства.....49

Омарова Х. И.

Аксиологический анализ концептов «ум» и «глупость» в английских
паремиях54

VI. DEVELOPMENT OF ETHNIC AND PERSONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL EXCHANGE

Kolosova O. Yu.

Tolerance of cultures in the context of the cross-cultural contacts59

Дворцова Д. В.

Основные проблемы самоидентификации Турецкой республики
в контексте дихотомии "Восток-Запад" (на основе анализа творчества
О. Памука)62

Москаленко М. Р., Юдин И. В.

Патриотическая пропаганда как один из важнейших аспектов
политической коммуникации67

Саетгалиева Ф. Ф.

Проблема этнической идентичности потомков межнациональных
браков69

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2016–2017 годах.....71

Информация о научных журналах 74

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ» 75

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 76



I. INTERRELATION OF PERSONAL AND SOCIAL IDENTITY



ИССЛЕДОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЗИТИВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ОСНОВЕ ОСОЗНАНИЯ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У РУССКИХ И АРМЯНСКИХ СТУДЕНТОВ¹

А. С. Берберян

*Доктор психологических наук
профессор
заведующая кафедрой психологии
Российско-Армянский
(Славянский) университет
г. Ереван, Армения*

Э. С. Берберян

*аспирант, стажер-исследователь
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики», г. Москва, Россия*

Summary. The study of ethnic identity's components and meaning-of-life orientations among Armenian and Russian student youth. The study of ethno-cultural identity as a complex socio-psychological phenomenon, which consists in individual's awareness, feeling of unity with the group based on a shared culture, and group awareness of its unity, is incredibly relevant among the new generation of studies in psychology. We have investigated ethnic Armenian and Russian student youth of the Russian Federation and the Republic of Armenia, the total number of respondents was 160. According to the results, high value of social Self, in particular the national-civic identity when describing themselves in Armenian and Russian youth correlates with high and medium levels of general life orientations.

Keywords: ethnic identity; meaning-of-life orientations; Armenian and Russian student youth.

Несмотря на различие в существующих подходах к проблеме этнической идентичности, большинство исследователей, определяя идентичность, сходятся во мнении о том, что идентичность—это некая динамическая система, которая сложно иерархически организована при линейном развитии индивида [4; 7]. Одним из важнейших условий решения проблемы нарушения этнической идентичности является изучение системы смысложизненных ориентаций представителей этноса, которая является

¹Исследование выполнено при поддержке ГКН МОН РА в рамках армяно-российского совместного научного проекта РГ16-07 «Психологический аспект формирования самопонимания личностью национальной идентичности в контексте исторического опыта на постсоветском пространстве (на материале исследования молодежи России и Армении).

составной частью этнического самосознания субъектов поли- и моноэтнической среды [5; 8].

Актуальность данной работы обусловлена связью между компонентами этнической идентичности и смысложизненными ориентациями, которая часто остается незамеченной в исследованиях по подобной тематике.

Целью работы является исследование взаимосвязи компонентов идентичности и смысложизненных ориентаций у армянской и русской студенческой молодежи РФ и РА.

В исследование идентичности как механизма адаптации, в рассмотрении роли бессознательного в процессе идентификации, значительный вклад внесли представители классической психоаналитической школы: З. Фрейд, А. Адлер, Дж. Боулби, М. Клейн, М. Малер, У. Мейснер, Ж. Пиаже, Г. Салливан, А. Фрейд, К. Хорни, Р. Шафер, М. Эйнсворт, К.-Г. Юнг и др. Особенно значим вклад Э. Эриксона в формирование концепции идентичности, а также самого термина в контексте междисциплинарного научного знания. Исследованием сущности этнической идентичности и ее структурных компонентов занимались такие зарубежные и российские авторы, как Дж. Берри, М. Плизент, Д. Тейлор, Г. Тэджфел, Дж. Марсиа, Т. Г. Стефаненко, Ю. П. Платонов, Г. У. Солдатова, Н. М. Лебедева, Л. М. Дробижева, Ю. В. Арутюнян, Б. Д. Парыгин, Л. Г. Почебут, В. Ю. Хотинец, А. Н. Татарко, Е. М. Калмыкова и др.

Исследования армянской и русской молодежи проводились как в трудах российских, так и армянских психологов еще на рубеже двадцатого столетия. Новейшие кросскультурные исследования, посвященные исследованию этнической молодежи армянской и русской национальности, представителей титульного этноса и сопряженной диаспоры, отражены в работах российских и армянских психологов: Белоусовой А. К., Крысько В. Г., Налчаджяна К. А., Берберян А. С., Варданяна М. А., Тучиной О. Р. и др.

В данном исследовании мы руководствуемся определением этнической идентичности как сложного социально-психологического феномена, который подразумевает осознание индивидом общности с конкретной территориальной группой на базе разделяемой культуры и осознание самой этнической группой единства на таких же основаниях.

Как считают И. В. Абакумова и П. Н. Ермаков, в системе поликультурного пространства множественность этнических культур прочно связывается с палитрой и взаимодействием личностных смыслов, их несовпадением и взаимоисключением или, напротив, их взаимным сближением [1].

Для целей нашего исследования вызывает интерес первая жизненная сфера, сфера смыслов. Особое внимание заслуживает выбор целей, ценностей и убеждений, которых придерживается человек: разрушение прежних целей и ценностей при изменении жизненных обстоятельств приводит к трансформации новых в случае осознания изменений и преодоления кризиса идентичности. Процесс развития этнической идентичности характери-

зуется генерационной спецификой [6; 9]. Анализ идентификации и самоидентификации, в частности, у этнической молодёжи, приобретает специфическую значимость для исследователей.

Опираясь на изложенные положения, нами была сформулирована гипотеза настоящего исследования: высокие значения «Я-социального», в частности национально-гражданственной идентичности, при описании себя у армянской и русской этнической молодежи, коррелируют с высоким и средним общим уровнем смысложизненных ориентаций.

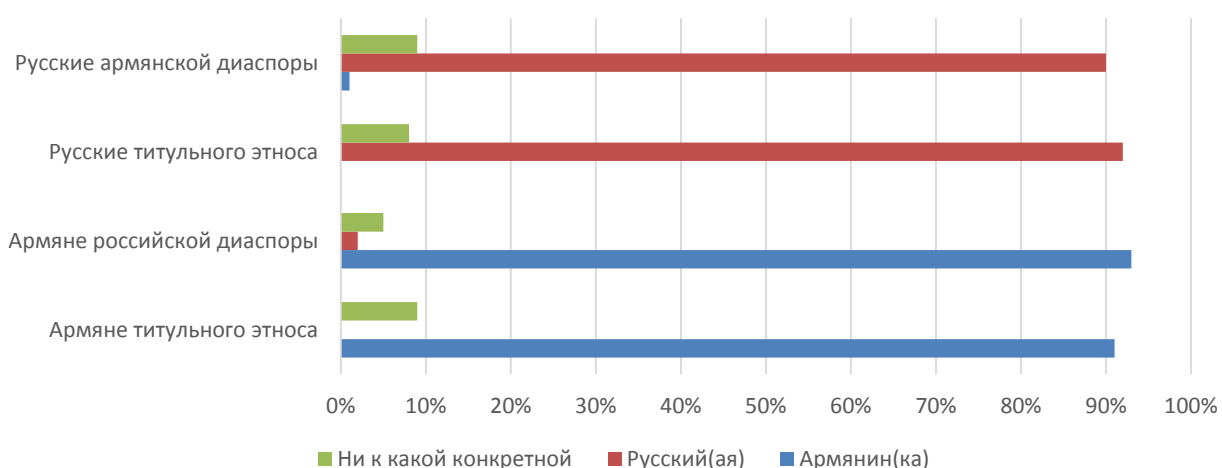
Нами было проведено исследование с этнической армянской и русской студенческой молодежью РФ и РА, общее количество респондентов – 160. В качестве методик исследования были выбраны следующие 4 теста и 1 анкета:

1. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО), Д. А. Леонтьев.
2. Тест двадцати ответов М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?».
3. Анкета на выявление характеристик этнокультурной идентичности. Базируясь на анкетах для выявления характеристик этнокультурной идентичности Стефаненко, Лебедевой, Татарко и других, нами была составлена авторская анкета, содержащая 15 вопросов.

Результаты опросника на осознание этнической принадлежности, где респонденты описывали свое генеалогическое древо, послужили основанием для подтверждения деления по этническому признаку. Нами было проведено тестирование с 4 группами респондентов: 1. Этнические армяне титульного этноса, 2. Этнические армяне российской диаспоры, 3. Этнические русские титульного этноса и 4. Этнические русские армянской диаспоры с использованием 5 вышеперечисленных методик и авторской анкеты для выявления психологических характеристик этнической идентичности.

По результатам анализа опросника на осознание этнической принадлежности была отмечена тенденция как у этнических армян, так и у этнических русских причислять себя к национальности, к которой они относятся ввиду своей генетической принадлежности. В вышеуказанном опроснике на вопрос: «Какую национальность Вы бы предпочли?» – были даны следующие ответы. Результаты отражены в диаграмме 1.

Диаграмма 1. Субъективное ощущение национальности



Результаты ответов на вопрос: «К какой второй национальности Вы бы отнесли себя?» отражены в диаграммах 2 и 3.

Диаграмма 2. Вторая национальность в ответах этнических армян

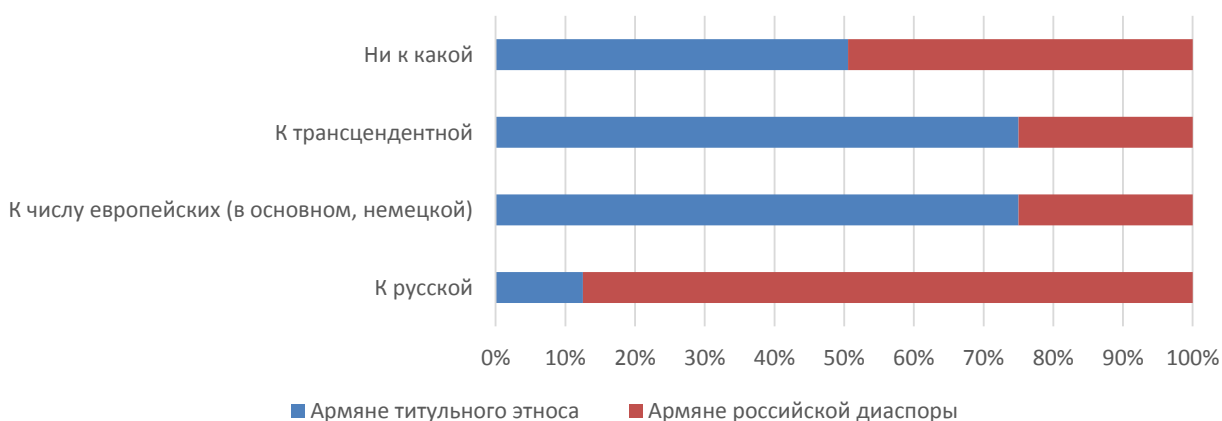
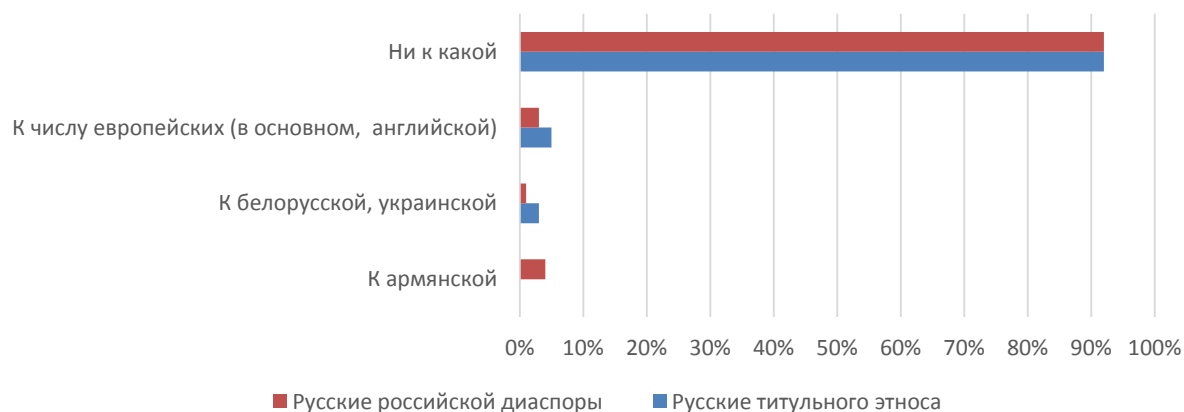


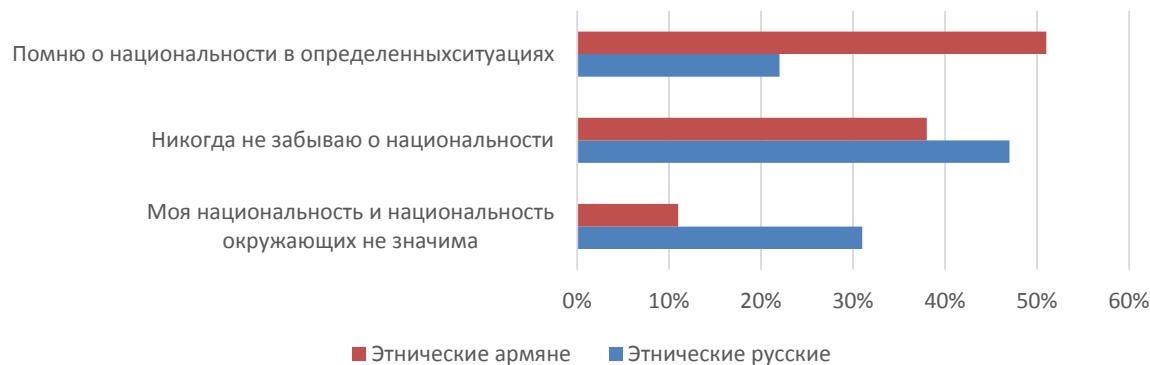
Диаграмма 3. Вторая национальность в ответах этнических русских



Опросник на выявление признаков этнической самоидентификации показал следующие особенности в ответах у этнических армян и у этнических русских: на вопрос: «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?» – этнические русские РФ выделяли язык (29 %); историю, культуру (28 %) как доминирующие факторы. Этнические русские РА выделяли аналогичные факторы в несколько другом процентном соотношении: язык (59 %), историю и культуру (28 %). На этот вопрос у этнических армян РА преобладали следующие ответы: менталитет (46 %), история, культура (29 %), религия (7 %), у армян РФ – менталитет (46 %), история, культура (29 %) и религия (7 %).

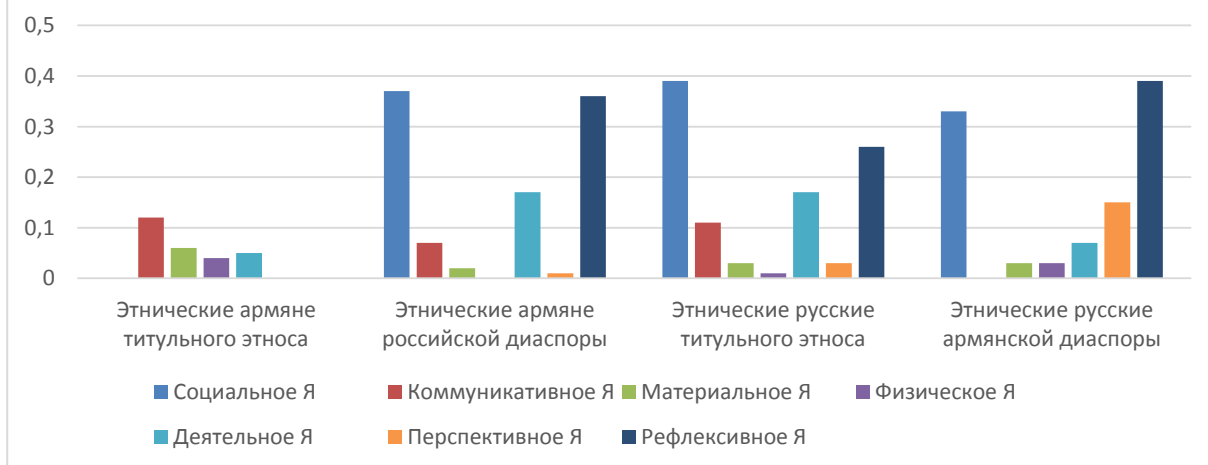
По результатам опросника «Этнический фактор в моей жизни» у этнических армян и этнических русских, проживающих на территории РА, были отмечены следующие характерные особенности, которые были отражены в диаграмме 4.

Диаграмма 4. Результаты исследования респондентов по опроснику «Этнический фактор в моей жизни»



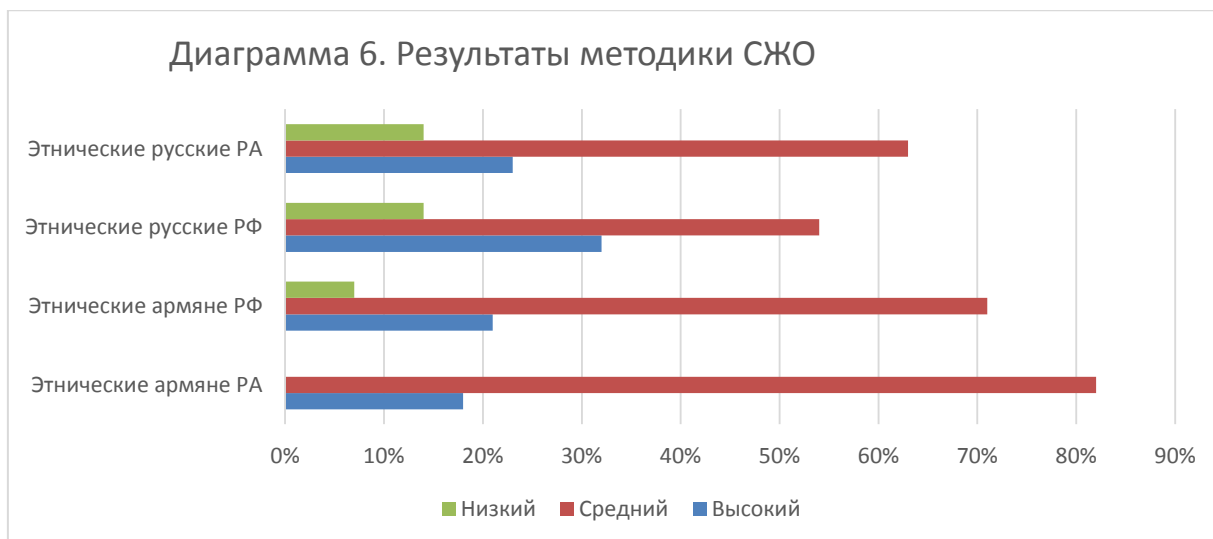
По результатам методики «Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда выявлены следующие показатели: 1. у этнических армян титульного этноса при описании себя в 35 % случаев превалирует «Я-социальное», у 38 % отмечается преобладание использования в описании «Я-рефлексивного», 2. у этнических армян российской диаспоры в 37 % в описании себя доминирует характеристика качеств, относящихся к «Я-социальному», у 36 % соответственно превалирует «Я-рефлексивное», 3. у этнических русских титульного этноса в 39 % преобладают качества, относящиеся к «Я-социальному», у 26 % при описании себя преобладает «Я-рефлексивное», 4. У этнических русских армянской диаспоры у большинства респондентов (39 %) при описании себя преобладает «Я-рефлексивное», у 33 % при описании себя преобладает «Я-социальное».

Диаграмма 5. Результаты методики "Кто Я"



В описании себя у большинства респондентов, как у этнических армян, так и у этнических русских при ответе на вопрос: «Кто Я?» преобладает «Я-социальное» и «Я-рефлексивное». В «Я-социальном» преобладает использование семейной идентичности, гражданской, этнической и учебно-профессиональной позиции.

Нами были проанализированы результаты по методике СЖО, респонденты были, как и в прошлых тестированиях, разделены на три группы по показателям возраста и пола. Были выведены результаты по 5 шкалам, а также ОЖ:



Нами был проведен статистический анализ для подтверждения или опровержения гипотезы настоящего исследования. Согласно полученным результатам, высокие значения «Я-социального», в частности, национально-гражданственной идентичности, при описании себя у армянской и русской этнической молодежи коррелируют с высоким и средним общим уровнем смысложизненных ориентаций, корреляция Спирмана = 0.847, уровень значимости = 0.002. Таким образом, гипотеза нашего исследования подтвердилась.

Позитивная этническая идентичность представляет такой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы и как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом мире [3; 6; 11]. Этническую идентичность по типу «нормы» характеризует высокая толерантность и готовность к межэтническим контактам [2; 10].

Исходя из полученных результатов, мы предлагаем выделить этапы для развития позитивной этнической идентичности в соответствии с компонентами этнической идентичности, которые представлены в авторской модели 1.

Модель 1. Авторская модель для достижения позитивной этнической идентичности у русских и армянских студентов



Таблица 1

Этапы тренинговой работы со студенческой молодежью и их направленность

Этническая идентичность	
Компоненты	Этапы тренинговой работы
Когнитивный компонент (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков). Включает: 1) этническую осведомленность, 2) этническое самоназвание.	Просветительский этап заключается в информировании о базовых категориях, составляющих сущность когнитивного компонента этнической идентичности: Знание языка Знание национальной истории и культуры Знание национальных героев Знание традиций и обрядов Знание об истории семьи и своих предках (малая этническая группа)
Аффективный компонент (чувство принадлежности к группе, оценка ее качеств, отношение к членству в ней). (два этапа по Т. Г. Стефаненко)	Ценностный этап заключается в коррекции отношения к собственной группе. Направлен на формирование положительных аттитюдов включающих: Осознание себя представителем конкретного этноса Положительную оценку группы Удовлетворенность членством в группе Наивысшая форма – гордость за достижения своего народа
Поведенческий компонент механизм проявления себя как члена этнической группы, «построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях» (по Дробижевой)	Коммуникативный этап заключается в построении коммуникации для достижения следующих целей: Принятие базовых моделей этнического поведения Вхождение в систему отношений с представителями своего этноса Вхождение в систему отношений с представителями других этносов сохранностью первых двух компонентов

Библиографический список

1. Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Рудакова И. А. Дидактические методы: структурно-смысловой анализ. – Ростов-на-Дону, 2008.
2. Берберян А. С., Тучина О. Р. Исследование особенностей самоинтерпретации личности в разных этнических общностях. Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал, 2014. – № 1. – С. 84–101.
3. Знаков В. В. Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие // Методология и история психологии. – 2007, т. 2. Вып. 3, С. 65.
4. Лебедева Н. М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность / под ред. Н. М. Лебедевой. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 10–34.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М. : Смысл, 1999. – 487 с.
6. Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность (Онтология, морфология, динамика): Дис. д-ра филос. наук: 24.00.01. – Москва, 2005.
7. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. – М. : Смысл, 1998. – С. 103–122.
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М. : Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999.
9. Стефаненко Т. Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность / под ред. Н. М. Лебедевой. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 35–48].
10. Berberyan H. S., Berberyan A. S. Ethnopsychological aspects of the meaning-of-life and value orientations of Armenian and Russian students // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. – Vol. 9. – No. (1). – P. 121–137.
11. Waterman A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // Devel. Psychol. – 1982. – V. 18. – N 3. – P. 341–358.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ВИРТУАЛИЗАЦИИ БЫТИЯ (к проблеме экологического сознания)

С. Н. Волков

*Доктор философских наук, профессор
Пензенский государственный
технологический университет
г. Пенза, Россия*

Summary. The author raises the problem of identity in the era of information technology. Issues of environmental awareness, adequate self-awareness itself.

Keywords: identity; environment consciousness; archetype.

Социальным феноменом в настоящее время выступает соотношение сознания реального (как видится нам, адаптированного в реальном мире) и сознания, ориентированного на виртуальное восприятие действительности.

Первое ориентирует личность наприятие мира физического, подлинного, вещного. Второе – на ориентацию в мире грез, фантазмов, выдуманных желаний. Наиболее подверженными подобной дуальности становятся молодые люди. Их общение в социальных сетях Интернета трансформирует сознание: от материальной воплощенности собственных идей в социуме до мистифицированных образов, находящих отражение в виртуальной среде. Через интернет в сознание человека, по мнению М. А. Антипова, проникают конструируемые масс-медиа современные мифологемы [1, с. 13].

Информационные технологии не уничтожают обращение человека к духовным аспектам бытия, но одновременно подталкивают к оценке происходящего через призму внутренних экзистенциальных мотивов, уходящих корнями в архетипические, традиционные аспекты этноса. В связи с этим рождается цепочка взаимосвязи, а именно: личностное самосознание (человек как часть социума) – сознание виртуального пространства (человек как субъект грез) – проблема самоидентификации (кто я есть на самом деле?).

Можно говорить об экологическом сознании, как о явлении чистоты мышления, ясности, не-раздвоенности. Экологическое сознание понималось ранее в работах Р. У. Биджиевой как комплекс экологических воззрений, оценок, теорий различных социальных групп (начало 80-х годов XX века) [3]. Позднее экологическое сознание трактовалось как отражение природных и специфических социально-экологических законов функционирования системы «природа-общество», которые выступают объектом отражения этой формы сознания. Так рассуждали А. Н. Кочергин, Ю. Г. Марков, Н. Г. Васильев (конец 80-х годов) [4]. В современном мире экологическое сознание, как видится нам, приобретает специфические черты и аспекты, свойственные индивиду с присущим ему эксклюзивным миропониманием, духовной линией, определяющей поведение. Экологическое сознание имеет отношение и к интегральному гуманизму. Е. А. Куликова отмечает в этой связи, что подход к «...эколого-этической проблематике стал обретать по мере формирования общества массового потребления, в условиях бурной научно-технической революции закономерно становившегося также информационным, в массовой культуре которого посредством электронных медиа стали получать широкий размах виртуальные иллюзии ...» [6, с. 51].

Информационность общества создает некую экзистенциально-спиритуалистическую эклектику мышления. В этой эклектике коренится тенденция к раздвоенности индивидуального сознания. Как отмечает С. Е. Ковалева: «...экзистенция человека – это не открытое существование, а скрытое внутри человека, выраженное в виде его мыслей и воображений, имеющих индивидуальную особенность» [5, с. 111]. Для социума опасен тот граничный предел, когда сознание перестает критично контролировать себя, и индивид в виртуальном мире видит свое бытие как подлинное. Та-

кой предел можно назвать патологическим. Патология мышления выступает ключевым фактором в исследовании экологии сознания.

Молодой человек склонен зачастую затрудняться самоидентифицировать себя. По мнению О. С. Жаровой, «...всеохватывающее и молниеносно распространяющееся стремление «казаться» порождает формирование идеализированной кажущейся реальности, где мнимое выдается за действительное, а сам человек сводится лишь к изображению своей внешности, которое не отражает реальный облик, а представляет собой приукрашенный искусственный образ» [4, с. 21]. С одной стороны, подлинное бытие подменяется виртуальным, и словно нивелируется сознанием. С другой стороны, как отмечает Л. С. Батанина, возросла «... потребность противостоять искажениям, грозящим внутреннему миру, духовному здоровью» [2, с. 6].

Самоидентификация в условиях виртуализации жизни есть уподобление личности конкретному образу, имитационной форме поведения, подстройке под некий идеал. Виртуальная среда, усиливая подобный процесс, способствует в некотором смысле отклонению от нормы восприятия самого себя. В этом смысле экология сознания должна решать проблему соответствия личности самому себе. Можно предположить, что чистота мышления в определенном смысле зависит от уровня спиритуалистической составляющей сознания. Под этим термином следует понимать комплекс духовных ориентиров, которыми наделен индивид.

Таким образом, самоидентификация человека в информационном обществе находит лучшие стороны в традициях предков, родовой памяти, архетипических формах бытия. Способ существования личности есть реализация ключевых элементов мышления. Экологическое сознание в этом смысле – вариант очищения от негативных аддикций виртуальных образов, игровых, гиперболизированных идей.

Библиографический список

1. Антипов М. А. Эволюция мышления: диалектика мифа и логоса // Социосфера. – 2012. – № 3. – С. 9–13.
2. Батанина Л. С. Самоидентификация личности в условиях культуры массового общества: Дис...канд. филос. наук : 09.00.11. – Улан-Удэ, 2004. – С. 6. – 162 с.
3. Биджиева Р. У. Диалектика формирования экологического сознания в условиях развитого социализма: Дис.... канд. философ, наук. – М., 1981.
4. Жарова О. С., Антипов М. А. Быть или казаться: к вопросу о понимании другого в рамках виртуального сетевого пространства // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 3. – № 6 (28). – С. 20–23.
5. Ковалева С. Е. Истинная и ложная (мнимая) экзистенции в виртуальной реальности Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 11-2. – С. 109–113.
6. Куликова Е. А. Генезис экологического знания в контексте трансформации понимания структуры человеко-мирных отношений. // Ecological education and ecological culture of the population : materials of the IV inter-national scientific conference on

February 25–26, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – 178 p.

7. Экологическое сознание. Сущность и способы формирования. URL: http://old.nasledie.ru/ipravo/20_10/21_1/article.php?art=20 (дата обращения 30.07.2016)



II. IDENTITY OF THE YOUTH IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMING SOCIETY



РОЛЬ ИДЕАЛА ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Ю. А. Егорова

*Кандидат педагогических наук, доцент
Филиал Казанского (Приволжского)
федерального университета
в г. Чистополе, г. Чистополь
Республика Татарстан, Россия*

Summary. The article reveals the role of the ideal for the youth in the conditions of transforming society.

Keywords: identity; ideal; purpose; dream; the youth; society.

В условиях трансформирующегося общества важное значение приобретает проблема формирования адекватной идентичности молодежи.

Идентичность (лат. *identicus* — тождественный, одинаковый) — свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этим группам или общностям свойств [1]; осознание личностью своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей и эго состояний [4].

В структуре идентичности можно выделить «индивидуальный» и «социальный» уровни. Если персональная идентичность представляет собой совокупность характеристик, сообщающих индивиду качество уникальности, то социальная идентичность — результат идентификации (отождествления) индивида с ожиданиями и нормами его социальной среды. Абсолютно разделить эти два уровня идентичности (интерпретируя персональную в качестве внутренней, а социальную в качестве внешней) нельзя: представления индивида о самом себе, воспринимаемые им как его собственные и неотделимые от его самости, являются в конечном итоге результатом интериоризации социальных норм. В то же время собственные нормы индивида могут не совпадать с нормами и ролями, принимаемыми им в ходе социальной интеракции или навязанными ему окружением. Личностное «Я» формируется в результате достижения своего рода баланса между персональной и социальной идентичностью [3].

Идентичность обуславливает способность индивида к ассимиляции личностного и социального опыта и поддержанию собственной цельности и субъектности в подверженном изменениям внешнем мире [4].

Существуют разные определения идентичности и идентификации.

В «Психологическом словаре» В. П. Зинченко и Б. Г. Мещерякова приведены разные значения идентификации: 1) узнавание, установление тождественности какого-либо объекта; 2) отождествление индивидом себя с другим человеком, переживание субъектом той или иной степени своей тождественности с объектом; 3) уподобление себя значимому другому как образцу поведения на основании эмоциональной связи с ним; 4) отождествление себя с персонажем художественного произведения, благодаря которому происходит проникновение в смысловое содержание произведения, его эстетическое переживание; 5) отождествление себя с какой-либо (большой или малой) социальной группой или общностью, принятие ее целей и ценностей, осознание себя членом этой группы или общности и др. [1].

Проблема идентичности актуализировалась с наступлением эпохи современности, или модерна. Поскольку в досовременных обществах идентичность индивидов задавалась их происхождением и принадлежностью к определенному социальному слою (эту данность они не были властны изменить), проблемы самоидентификации не возникало. Идентичность современного человека связана с сознательной ориентацией на определенный стиль жизни, «выбирая» который индивиды формируют свою тождественность с определенной группой, образом жизни, ценностями [3].

Обретение идентичности становится в наши дни важнейшей жизненной задачей каждого человека. Раньше вопрос «Кто я?» автоматически вызывал перечисление традиционных социальных ролей. Сегодня, как никогда, поиски ответа требуют особого мужества и здравомыслия.

Основной кризис идентичности, по Э. Эриксону, приходится на юношеский возраст. Итогом этого этапа развития является либо обретение «взрослой идентичности», либо задержка в развитии, так называемая диффузная идентичность. Интервал между юностью и взрослым состоянием, когда молодой человек стремится путем проб и ошибок найти свое место в обществе, Эриксон назвал психическим мораторием. Непреодоленный кризис ведет к состоянию острой диффузной идентичности, составляет основу специальной патологии юношеского возраста [4].

Большую роль в обретении молодежью адекватной идентичности играет ориентация на идеал. Идеал (франц. *ideal* - образец) – это: 1) высшая степень ценного или наилучшее состояние какого-либо явления; 2) индивидуально принятый стандарт (признаваемый образец) чего-либо, как правило, касающийся личных качеств или способностей; 3) общее, универсальное, абсолютное ценностное представление о благом и должном; 4) совершенство; 5) высший образец нравственной личности.

Виды идеалов: универсальный (общезначимый) и личный (представление индивида о лучшем из всего того, что ему известно; индивидуально принятый стандарт чего-либо, как правило, касающийся личных качеств или способностей). Как форма нравственного сознания идеал является одновременно ценностным представлением, поскольку им утверждается определенное безусловное положительное содержание поступков, и императивным представлением, поскольку это содержание определено в отношении воли человека и вменяется ему в обязательное исполнение. В структуре морального сознания идеал занимает ключевое место [6, с. 100].

Идеал – образ, являющийся воплощением совершенства [5, с. 60]; понятие, выражающее совершенную, высшую цель стремлений и желаний человека. Идеалы служат образом конкретной цели в жизни и деятельности человечества на каждой ступени его развития [8, с. 28]; образ совершенства, наиболее ценного и величественного в культуре, искусстве, отношениях между людьми, нравственное и абсолютное основание морального долга, критерий разделения добра и зла. Идеал часто складывается как альтернатива действительности, как внутренний протест против устоявшегося порядка вещей. В моральном отношении идеал предстает как мечта [7, с. 184].

Мечта – особый вид воображения, направленного на будущее, на перспективы жизни и деятельности человека; создание образов желаемого; необходимое условие претворения в жизнь творческих сил человека. Творческая, активная мечта имеет огромное значение в жизни людей. Она вдохновляет человека, помогает бороться с трудностями жизни, дает возможность взглянуть в самое отдаленное будущее. Однако, здоровую, действительную мечту нельзя смешивать с пустой, необоснованной мечтательностью, не побуждающей к деятельности, а уводящей от действительности, расслабляющей человека, заменяющей реальную жизнь на жизнь в мире грез [7, с. 316].

Работу по ориентированию молодежи на идеал должны выполнять: СМИ, педагоги, родители. Большую роль в формировании ориентации на идеал играют учебные дисциплины: «Обществознание», «История», «Литература», «Мировая художественная культура» в учреждениях среднего общего образования, «Основы философии» в учреждениях СПО и «Философия» в учреждениях ВПО, а также «Культурология» и «Психология».

В курсе «Обществознание» возможностями для этого обладают темы: «Духовная сфера», «Социальная сфера», в курсе «Философия» – темы «Сознание», «Философская антропология», «Аксиология», «Этика».

Обучающегося необходимо учить: строить (конструировать, создавать) модель (образ) идеального человека, мечтать, определять и формулировать цели. Автор статьи разделяет мнение Г. Олпорта о том, что для юноши лучше иметь достаточно высокие притязания и позднее снизить их, чем изначально недооценивать собственные возможности и вследствие

этого ограничивать свою активность. «Неудача — не преступление; преступно ставить перед собой цели ниже своих возможностей» (Д. Лоуэлл).

Большую роль в формировании ориентации на идеал и мечту, компетентности целеполагания играет саморазвитие, приучать к которому обучающихся следует в семье и образовательных организациях.

Библиографический список

1. Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 24.09.2016).
2. Егорова Ю. А. Идеалы как основа целеполагания в системе образования // Развитие воспитательного пространства вуза в свете новых требований к качеству профессионального образования: Сборник научно-методических материалов / сост. и науч. ред. Н. Ю. Синягина, Е. Г. Артамонова, А. Н. Барышева. – М. : АНО «ЦНПРО», 2013. – С. 110–114.
3. Идентичность. URL: <http://iphras.ru/elib/1181.html> (дата обращения: 24.09.2016).
4. Идентичность. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/identichnost> (дата обращения: 24.09.2016).
5. Конюхов Н. И. Словарь-справочник практического психолога. – Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 1996. – 224 с.
6. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад; редкол.: М. М. Безруких, В. А. Болотов, Л. С. Глебова [и др.]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2009. – 528 с.
7. Рапацевич Е. С. Золотая книга педагога / под общ. ред. А.П. Астахова. – Минск : Современная школа, 2010. – 720 с.
8. Современная философия : словарь и хрестоматия. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 511 с.



III. IDENTITY OF THE YOUTH IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMING SOCIETY



К ВОПРОСУ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Л. Х. Цеева

*Кандидат педагогических наук
профессор*

Б. Х. Панеш

кандидат педагогических наук, доцент

Р. К. Симбулетова

кандидат педагогических наук, доцент

*Адыгейский государственный
университет*

г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия

Summary. The authors consider the problem of the transformation of ethnic identity among the younger generation in the multicultural environment of the region from the perspective of its theoretical and methodological reflection in the system of pedagogical knowledge. The globalization of cultural space, taking place against the background of intercultural integration, enhances the interest in the study of national cultures associated with the desire to preserve the national identity of the peoples. It is obvious that it is necessary to solve the problems of reforming the higher pedagogical education in the context of the new federal state educational standards, taking into account multi-culturalism of modern society while maintaining the originality of the regional education system.

Keywords: ethnic identity; transformation of ethnic identity; multi-ethnicity; multicultural educational environment.

Глобализация, мировые и интеграционные процессы, появление новых независимых государств, массовая миграция населения, глубинная трансформация политической и общественной жизни вызвали интерес к проблеме идентичности, то есть принадлежности индивида к тому или иному этносу.

Необходимость обращения к проблематике этнической идентичности сегодня вызвана спецификой социально-политических реалий начала XXI века, предполагающей всё более отчётливое обозначение поликультурности и полиэтничности мира в социальном и психологическом дискурсе.

Этническая идентичность изучается как междисциплинарный феномен социологами, этнологами, психологами, историками, философами и политологами. Каждая научная дисциплина имеет свой угол зрения и инструментарий изучения. Но наибольшие достижения были сделаны в отечественной и мировой науке при междисциплинарном подходе.

Этническая идентичность в современных условиях неизбежно трансформируется под влиянием процессов модернизации. В то же время современный мир демонстрирует тот факт, что этническая идентичность характеризуется устойчивостью, и по-прежнему определяет поступки и поведение людей.

В переводе с латинского языка «идентичность» – *identicus* – тождественный, одинаковый, с английского языка «*identity*» переводят как тождественность, дословно – идентичность; как подлинность; и даже как личность, индивидуальность. Во французском языке «*identite*» – тождество, совпадение; «*identique*» – идентичный, тождественный, одинаковый, а также – равнозначный, аналогичный; «*identifier*» означает идентифицировать, отождествлять и, кроме того, опознавать [7].

Понятие «идентификация» впервые введено в научный оборот З. Фрейдом в 1921 году в эссе «Психология масс и анализ человеческого Я» [8]. Исследователи отмечают при этом, что З. Фрейд вкладывал в него содержание близкое по смыслу понятию «подражание», ключевому для теории Тарда. В частности, Элленбергер пишет: «То, что Тард называл подражанием, Фрейд назвал идентификацией, и во многих отношениях, похоже, что идеи Фрейда это и есть идеи Тарда, выраженные в психоаналитических понятиях» [11, с. 528]. Это нетрудно доказать: в одной из работ Фрейда идентификация определяется как «... ассимиляция одного «Я» другим, в результате которого первое «Я» ведёт себя в определённом отношении так же, как и второе, имитирует его и в некотором смысле вбирает его в себя» [4, с. 311]. Каждый индивид, по мнению З. Фрейда, есть частица множества масс, связанных посредством сети идентификаций. И поэтому человек строит свой идеал «Я», руководствуясь множеством образцов и моделей поведения, которые он выбирает более или менее сознательно. Функция процесса идентификации двойственна. Во-первых, он включён в процесс социализации человека. Во-вторых, выполняет защитную (адаптивную) функцию. Разрыв идентичностей, даже их ослабление преобразует повседневное окружение человека в чужой, непонятный и враждебный мир. У человека создаётся впечатление, что он один перед лицом опасности, он превращается в антисоциальное существо, руководствующееся в поведении формулой «Каждый за себя!». Это состояние З. Фрейд назвал «психологической нищетой масс» [8]. Согласно определению французского социолога А. Турена, «идентичность – осознанное самоопределение социального субъекта» [12, с. 360]. Следовательно, идентификация – это процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образом, освоение значимых социальных ролей.

В процессе своего становления этническая идентичность проходит ряд этапов, которые соотносятся с этапами психического развития ребёнка. Одним из первых концепцию развития у ребёнка осознания принадлежности

сти к национальной группе предложил психолог Ж. Пиаже. В исследовании 1951 года он проанализировал формирование понятия «Родина» и одновременно с ним развивающихся образов «других стран» и «иностранцев». Развитие этнической идентичности швейцарский учёный рассматривает как осознание когнитивных моделей, ответом на которые являются этнические чувства. Пиаже выделяет три этапа в развитии этнических характеристик:

1. В 6–7 лет ребёнок приобретает первые – фрагментарные и несистемные – знания о своей этнической принадлежности.

2. В 8–9 лет ребёнок уже чётко идентифицирует себя со своей этнической группой, выдвигает основания идентификации – национальность родителей, место проживания, родной язык.

3. В младшем подростковом возрасте (10–11 лет) этническая идентичность формулируется в полном объёме, в качестве особенностей разных народов ребёнок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры [5].

В проведённых в настоящее время многочисленных исследованиях уточняются и конкретизируются возрастные границы этапов в развитии этнической идентичности. Первые «проявления» диффузной идентификации с этнической группой большинство авторов обнаруживает у детей 3–4 лет. Имеются данные о первичном восприятии ярких внешних различий (цвета волос, кожи) детьми до трёх лет. Но практически все психологи согласны с Пиаже в том, что «реализованной» этнической идентичности ребёнок достигает в младшем подростковом возрасте, когда рефлексия себя имеет для человека первостепенное значение.

Этнический статус чаще всего остаётся неизменным на протяжении всей жизни человека. Но всё-таки этническая идентичность не статичное, а динамичное образование: процесс её становления не заканчивается в подростковом возрасте. Различные внешние обстоятельства могут заставить человека любого возраста на переосмысление роли этнической принадлежности в его жизни, приводить к трансформации этнической идентичности.

Значительно варьируется осознание людьми своей этнической принадлежности в зависимости от того, в какой среде они живут: в моноэтнической или полиэтнической. Ситуация межэтнического общения даёт индивиду больше возможностей для приобретения знания об особенностях своей и других этнических групп, способствует развитию межэтнического понимания и формированию коммуникативных навыков. Отсутствие опыта межэтнического общения обуславливает, с одной стороны, меньшую predisposedность к подобным контактам, с другой стороны, меньший интерес к собственной этничности.

Таким образом, этническая идентичность более чётко осознаётся, а знания о различиях между группами приобретаются раньше, если человек живёт в полиэтнической среде. Насколько точны эти знания и насколько

позитивны социальные установки, во многом зависит от того, к какой группе он принадлежит – большинства или меньшинства.

В постоянно меняющемся мире в условиях неопределённости именно этническая идентичность, являясь характеристикой личности, состоящей в ощущении и переживании собственной принадлежности к определённой этнической группе, восприятием себя представителем конкретного народа, выполняет важную защитную функцию. Как компромисс между испытываемой многими в условиях неопределённости социальной ненадёжностью и острой потребностью в защищённости – этническая идентичность становится для многих универсальной формулой ответа на вопрос о смысле существования и социального действия. Идентичность является одним из важнейших механизмов личностного освоения социальной действительности, лежащего в основе формирования системы личностных смыслов. Неизменность этнического, проявляясь на обыденном уровне, составляет постоянную основу существования личности. При этом социальная сущность этнической принадлежности возводит её до мировоззренческого ориентира в кризисные периоды жизни общества. Принадлежность к этносу фиксирует как биологическую, так и социальную принадлежность индивида. И, несмотря на то, что кроме этнических существует масса других групп и отношений, влияющих на статус личности, этнические характеристики остаются их инвариантом.

Как отмечает Э. К. Сулова: «Дружелюбие, уважение к людям разных национальностей не передаются по наследству, в каждом поколении их надо воспитывать вновь и вновь, и чем раньше начинается формирование этих качеств, тем большую устойчивость они приобретут» [6].

Следовательно, основной механизм «нового гуманизма» состоит в налаживании взаимодействия культур (мировой диалог культур), интенсивном развитии межкультурных коммуникаций, касающихся всех сфер жизнедеятельности человека. На наш взгляд, адекватное глобализирующемуся миру образование должно способствовать и взрослым (педагогам, родителям), и детям (дошкольникам, учащимся) освоить три основных уровня ценностей: этнокультурный, общенациональный (русский) и общечеловеческий (планетарный). Такое образование и является поликультурным. Парадигма поликультурного образования требует формирования у человека мировоззрения, определяющего признание равной ценности исторически состоявшихся культур как источника и фактора развития общероссийской и мировой цивилизаций. Педагог занимает в ней позицию признания равноправия культурных ценностей – этнических, религиозных, гендерных и др. Цели, содержание, методы, средства и формы организации поликультурного образования строятся соответственно целям и задачам становления глобальной цивилизации равноправных народов.

Категория «пространство» в педагогике связана с гуманизацией – пониманием образования не как внешнего управления, а как стимула и

предпосылки к саморазвитию и самостроительству человеком. По мнению И. А. Колесниковой, переориентация смысла и приоритетов педагогической деятельности с социально-прикладной сферы, создание возможностей для развертывания человеческой сущности во всей ее полноте и есть подлинная гуманизация образования, которая вызывает потребность в специальной организации образовательного пространства [2, с. 141].

Образовательное пространство предполагает опору на жизненный опыт, связь обучения с жизнью; здесь и взрослые, и дети вместе совершают творческую, учебную деятельность, направленную на взаимодействие культур, но каждый на своем уровне. В процессе этого взаимодействия осуществляется совместное, целенаправленное проектирование образовательного процесса новых его форм и содержаний.

Согласно теории встроенности (Д. Гибсон), первоосновой любого пространства является среда, в которой существуют, взаимодействуют и функционируют все возможные варианты его составляющих. В то же время пространство представляет собой место для существования и простор для развития – задает возможности для реализации деятельности субъекта [1, с. 38–53]. По его мнению, «образовательная среда становится образовательным пространством по мере выявления в ней возможностей развития субъекта деятельности; среда противостоит субъекту как неопредмеченная объектность, которую субъект может освоить и превратить в пространство своей жизни» [1, с. 147]. «Под образовательной средой (или средой образования) мы будем понимать систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, – пишет В. А. Ясвин, – а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [9, с. 14]. Важно указать также, что образовательная среда задает определенные рамки (целей, содержания, методов, средств и форм организации). Если в традиционной «знаниевой» педагогике воспитанник рассматривается как объект педагогического воздействия, то в современной «личностной» педагогике воспитанник все более и более самостоятельно определяет цели, содержание, методы и средства своего образования, что связано с педагогической позицией «создания условий» раскрытия способностей, возможностей и потребностей личности ребенка. Переход от знаниевой педагогики к личностной, от ответной к ответственной, реальная связь интегрированного обучения с проектным подходом, сочетающего теоретические и практические исследования всеми участниками образовательного процесса, позволяют организовать образовательный процесс на основе интереса детей и взрослых, проявления смысла учения и обучения, формирования способности (сначала идентифицированных, в конечном итоге – интериоризированных) принимать ответственность за события, происходящие в микро- и макросреде, – через содержание образования, интегрированное с поликультурными ценностями у детей. Вышеперечисленные условия, на наш взгляд, дают возможность рас-

ширить изначально заданные рамки в образовательной среде. Образовательное пространство – это расширяющийся «веер» возможностей внутри этих рамок.

Пространство поликультурности как жизненное пространство отражает различные устремления человека (например, идентификации и интериоризации этнических, межнациональных, общечеловеческих культур и ценностей, стремление к идеалам добра, справедливости, ответственности и т. д.).

Мы считаем, что мотивацию студентов – будущих педагогов к профессиональной деятельности в обозначенном контексте можно сформировать через проектную деятельность в рамках освоения учебных дисциплин «Этнопедагогика», «Социализация личности», «Формирование социальной компетентности дошкольников», «Профессиональная деятельность педагога в поликультурном пространстве», «Современные проблемы воспитания школьников в поликультурном образовательном пространстве», которая позволяет студенту самостоятельно и творчески подходить к решению образовательных задач.

В Адыгейском государственном университете на факультете педагогики и психологии студенты, обучающиеся по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование» выполняли творческие проекты по всем направлениям этнокультурного развития детей. В качестве примера приведем темы некоторых проектных работ: 1. Проектирование предметно-развивающей этнокультурной среды учреждений дошкольного образования; 2. Формирование этнокультурной осведомленности детей в процессе игровой деятельности; 3. Формирование нравственных ценностей посредством сказок разных народов Адыгеи; 4. Педагогические условия приобщения детей к этнокультурным ценностям; 5. Современная система социально-правовой защиты детства в условиях Республики Адыгея; 6. Взаимодействие учреждений дошкольного образования и семьи в формировании этнокультурных компетенций; 7. Воспитание этнокультурной компетентности старших дошкольников; 8. Формирование основ здорового образа жизни с использованием фольклора разных народов.

Только в Республике Адыгея сейчас живут представители более 100 этносов, вовлеченные в непрерывное взаимодействие и коммуникацию. Именно система образования обладает уникальными возможностями по расширению знаний о других народах и формированию взаимной толерантности. С учетом полиэтничности общества, в котором сегодня социализируется молодое поколение России, становится очевидной необходимость разработки новых образовательных стратегий и подходов в деле формирования у молодежи этнокультурной компетентности, которая предполагает только объективную информацию о другом народе. Она не исключает антитезис «мой – другой», «свой – чужой», но в этом случае

непонимание проявлений другой культуры выступает, прежде всего, как импульс к ее изучению, осмыслению, пониманию.

Библиографический список

1. Борисенков В. П., Гукаленко О. В., Данилюк А. Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования : монограф. – М.; Ростов н/Д : Изд-во РГПУ, 2004. – 576 с.
2. Колесникова И. А. Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии. – СПб., 2001. – 228 с.
3. Лебедева Н. М. Социальная психология аккультурация этнических групп : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05. – М., 1997. – 310 с.
4. Моковичи С. Век толп: исторический трактат по психологии масс. – М., 1996. – С. 311.
5. Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка. – М. : Римис, 2008. – 448 с.
6. Сулова Э. К. Спецкурс «Воспитание у детей этики межнационального общения». – М., 1994. – 309 с.
7. Фадеичева М. А. Этническая идентичность: индивид между холизмом и робинзонадой // Этническая идентичность и проблема этнотолерантности: пути преодоления этноцентризма в современных теориях и социальных практиках. URL: [http:// ppf. uni. udm. ru/ conf_ 2002/ entos. htm](http://ppf.uni.udm.ru/conf_2002/entos.htm) (дата обращения: 11.09.2016).
8. Фрейд З., Коган Я., Ермаков И. Психология масс и анализ человеческого «Я». – М. : Азбука, 2012.
9. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М. : Смысл, 2001. – 365 с.
10. Berry J. W., Pleasant M. Ethnic tolerance in plural societies // Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. Potsdam, N. Y., Wiley, 1984.
11. Ellenberger H. F. The discovery of the Unconscious: Basic Books. – N. Y., 1970. – P. 528.
12. Touraine A. Production de la societe. 1973. – P. 360.



IV. STATES AND SOCIETIES IN SEARCH OF REGIONAL IDENTITY



ETHNIC IDENTITY IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF SOCIETY AND STATE

V. N. Goncharov

*Doctor of Philosophical Sciences
assistant professor
North Caucasus Federal University
Stavropol, Russia*

Summary. On an international scale the ethnic problem rises in an antagonism of two general tendencies: movement of the nations to self-determination, independence and aspirations to formation of large multiethnic communities, to formation of the powerful supernations where ethnoses, various traditions and cultures would be organically connected. The aim, for this purpose, is the same: overcoming all forms of national and ethnic inequality or, in other words, democratization of the international relations.

Keywords: culture; ethnos; ethnic self-identification; ethnoidentity; ethnic cultures; cultural identity, civilization.

At the present stage national and ethnic processes reflect development of various ethnoses in the society [4, p. 28–34]. This tendency aiming at creation of the supernations is widespread in the modern world. The aspiration for formation of large multiethnic communities is also appropriate to people of the multinational states, at the same time it does not always provoke flashes of ethnonationalism [15, p. 82–89].

Except for the specified global tendencies, such significant processes as mass migration of a manpower, depopulation of small and title nations, threat of assimilation and as reaction to it – attempt to be closed in national provincialism have huge influence on the interethnic relations and provoking of the ethnic conflicts. Complex impact of these processes leads to significant changes in all spheres of life and requires quick, but weighed reaction of the political and public institutes [5, p. 139–144].

No wonder that mass labor migration from underdeveloped countries is capable to generate danger of nationalism. Many people afraid of the prospect of fading, absorption by alien ethnos. In the conditions of depopulation of the population the migratory contingents of the population, having much higher birth rate, make considerable changes to its national structure. The special problem is created by mixed marriages and the questions of nationality.

Against the backdrop of cosmopolitan formations which are constantly changing and constantly change their borders the problem of ethnic self-identification is clearly outlined [2, p. 16–27]. The problem of ways of preserv-

ing ethnic cultures and opportunities of consensus between ethnic and civil self-identification in the multinational is still very sharp. One of the most discussed problem is a problem of possibility of preserving and combination of traditional ethnoidentity in the conditions of highly centralized national state – state – nation, with supranational identity. In the modern situation economic and cultural globalization which weakens both national measurement and state – nation adds sharpness to that problem [10, p. 266–271]. Especially this process proves in the idea of creation of the denationalized corporation state. As opposed to the assimilatory and leveling ethnic distinctions policy common to these models of the state construction, there is also the third model – the state nation, recognizing more than one cultural, and even national, identity.

Polarity of these models is shown in the fact that the first two, irrespective of the purposes (political unity or profitability), realize repressive position concerning ethnic cultures, whereas the third, relying on civic consciousness as the basic principle of self-identification, thereby tries to remove ethnic questions from the conflict area.

The uncertainty of identification generated by cultural paradigms change, socio-political changes, strengthening of migratory processes puts a natural question of need of search of its new forms for the sociocultural environment of the state which is possible weather in case of a support on supra-ethnic and supranational cultural heritage, or on the extra ethnic principle [6, p. 123–128]. The first approach supposes creation of supra-ethnic culture with single language, culture, values, that is formation of the single cultural field as a bases of political unity [12, p. 282–284].

Risk of this way consists in forming of pseudo-mononational culture through the repressive -assimilation politics in the field of education, culture and language where foreign-ethnic groups are marginalized.

However, common cultural field quite often also assumes common historical past for the common future that inevitably leads to history misrepresentation, but suppression of historical memory of people is dangerous to its social viability and to social progress in general [7, p. 113–117].

Such policy only transfers the open conflict, until the time comes, to the latent form. Besides, it also strikes the field of languages of culture and their historical continuity, as with national language sense-making contacts between separate components of ethnic culture will be lost, and its heritage will turn into compendium of the devastated artifacts [13, p. 102–107].

Formation of identity on an extra ethnic basis seems more preferable [8, p. 33–36], however this way also has negative aspects.

The range of none ethnic collectivist identities is rather wide: from religious and social to ideological [3]. However, even here radicalism and claims on exclusiveness give enough examples (fundamentalism, fascism, socialism, communism, feminism, ekologizm). Civil identity removes a charged matter of the language field of culture as the preferred language is not necessarily an iden-

tity marker, it brings together such type of identity and civilization in the image of the international civilizations, replacing each other [14, p. 39–44].

Difficult and extremely painful ethnic processes demand continuous fixed studying and judgment through a prism of modern social and political processes [1, p. 95–100]. The choice like the ethnic relations and identification criterion is connected with both individual historical experience of the state and with real, but all the same important political situation [9, p. 17–20].

Bibliography

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 3-1. – С. 95–100.
2. Бакланова О. А. Проблема конституирования социокультурной идентичности в современном обществе // Высшая школа – региону : сборник научных статей. – Пятигорск, 2013. – С. 16–27.
3. Говердовская Е. В., Антюхина А. В., Шульженко В. И. Актуальные проблемы духовной жизни личности и общества: региональный аспект. – Волгоград, 2014.
4. Говердовская Е. В. Социокультурные и этнологические особенности региона – основа модернизации высшего образования на Северном Кавказе // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2007. – № 7. – С. 28–34.
5. Деркачев Г. И., Бакланов И. С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 139–144.
6. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 2. – С. 123–128.
7. Камалова О. Н. Развитие представлений об интуиции в русской философии конца XIX – начала XX в // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. – № 1. – С. 113–117.
8. Камалова О. Н. Особенности понимания интуиции в философии С. Л. Франка // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 1. – С. 33–36.
9. Колосова О. Ю. Синергетические аспекты развития современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 4. – С. 17–20.
10. Колосова О. Ю. Трансформационные социальные процессы в контексте глобализации // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – № 4. – С. 266–271.
11. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. – 2014. – № 7-2 (46). – С. 282–284.
12. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 13. – С. 102–107.
13. Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 3 (82). – С. 39–44.
14. Месхи Б. Ч., Несмеянов Е. Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 82–89.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БУРЯТ КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ СУВЕНИРА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИИ

И. И. Акинфеева
Л. М. Дондокова

*Старший преподаватель
старший преподаватель
Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления
г. Улан-Удэ, Республика Бурятия
Россия*

Summary. The article reveals the origins of the material culture Buryat and their translation into souvenirs republic of Buryatia. Namely costume complex everyday objects, architecture.

Keywords: Buryats, the material culture of the people, souvenir products.

Современные буряты сформировались из различных монголоязычных групп на территории северной окраины ханства Алтан-ханов, сложившегося в конце XVI – начале XVII века. Исследователь Сибири И. Г. Георги в XVIII–XIX вв. писал: «что, еще до эпохи Чингисхана монгольский народ разделился на три общества, а именно: на монгольские, оретские (т. е. ойратские) и бурятские (или братские)» [2, с. 18]. С этого времени начинается этнокультурное становление бурят, происходит объединение мелких родоплеменных групп. К XVII веку буряты состояли из нескольких племенных групп, крупнейшими среди которых были булагаты, эхириты, хоринцы и хонгодоры, а также мелкие группы западномонгольского происхождения. Они проживают в основном на территории республики Бурятия и туристов привлекает факт их компактного проживания и аутентичности. В Бурятии сохранены традиции и самобытность бурятского народа и это находит большое отражение в сувенирной продукции, которая пользуется спросом среди туристов. Туристский спрос породил увеличение сувенирной продукции с бурятской символикой. Такая продукция включает все области культуры бурят (костюм, ДПИ, зодчество, традиции и верования). На данный момент исследован сувенирный рынок республики и в частности, города Улан-Удэ, и выявлено, что преимущество в ассортименте принадлежит именно бурятской тематике. Ассортимент представляет вещи и предметы от штампованных магнитов до костюмов и седел. Чаще всего в сувенирную продукцию переходят элементы материального мира бурят.

Говоря о материальной культуре бурят в целом и о современной сувенирной продукции, необходимо осветить такую неотделимую их часть как орнамент и цвет, которые являются ретрансляторами информационного посыла и повсеместно присутствуют на сувенирах. Цвет сопровождает в ремесло и жизнь бурят. У бурят выделялись основные функции цвета – магическая, информационная и декоративная. Преимущественно выделялись

5 цветов – красный, желтый, зеленый, синий и белый. Каждый из них и их сочетание имели свое символическое значение. Священным считался белый цвет – он обозначал чистоту помыслов и деяний, святость, благополучие, ассоциировался с дневным светом и небесными светилами, он символично перешел в празднование белого месяца, принятием белой пищи. Черный цвет носит семантику всего плохого, символ бедности, нищеты. Красный цвет имеет обозначение власти, величия, ассоциируется с Солнцем и огнем, может противостоять сглазу, колдовству. Желтый цвет относится к солярному знаку, как и белый с красным, он ассоциировался с золотом. Синий и голубой цвета – с небом и водой, символизируют вечность и бесконечность. Зеленый цвет – с травой, началом жизни, цветением Земли, является символом женской половины. Через цвет проявляется символика орнамента у бурят, он обозначает узор и имеет прямую связь с предметом, на который он наносится. Как и во всех культурах, у бурятского орнамента также есть классификация. Геометрические орнаменты – широко распространенные среди монголоязычных народов. Самые известные и часто используемые из них – меандр – алхан хээ (молоточный орнамент), рисунок стеганного матраса – шэрдэг, плетенка – улзы и круг. Меандр выражает вечное движение, этим орнаментом украшают любые предметы. Улзы – плетенка, символизировал счастье, благополучие и долголетие. Изображается всегда в центре композиции. Кругу придавалось особое сакральное значение – в частности, это было движение человека по кругу наподобие жизненного цикла самой природы. В орнаменте используется также древний солярный знак – свастика – хас. Наравне с геометрическими популярными считаются зооморфные орнаменты. В основном изображали фигуры животных или части их тел, это пять основных типов скота бурят и животные 12-ти летнего цикла по восточному календарю. Изображение рогов встречается наиболее часто – роговидный орнамент (эбэр угалза, хамар угалза). Из группы растительных орнаментов использовали побеги, цветы, ветки: лиственный узор (набшаһан угалза), цветочный узор (сэсэг угалза), лotosовый узор. Они широко применялись в одежде, предметах быта, буддийской живописи, т.к. деревья и растения являлись символом материнства и плодородия. К космогонической (природной) группе орнаментов относятся использование изображений луны, звезд, воды, гор, облаков. Об этом говорит даже современное изображение «соембо» на гербе города Улан-Удэ, где присутствует образ Солнца, луны и трехлепесткового огня как символа настоящего, прошлого и будущего.

Как и во всех культурах, в этносе бурят костюм является одним из важных и неотъемлемых факторов формирования сувенирной продукции. Он идентифицировал этническую принадлежность, возраст, пол и статус владельца. В первоначальном варианте материалом служили шкуры и кожа животных. С XVIII в. появилась одежда из шелка и шерсти и др., привезенными из Китая и Азии. В XIX в. появляются русские ткани – хлопчато-

бумажные и льняные. Излюбленным цветом бурят в одежде является синий, который символизирует синее небо, вечное небо.

Мужская одежда отличалась общей основой – туникообразным халатом (эрэ дэгэл). Рукава заканчиваются обшлагами, напоминающими копыта (туру). У восточных бурят дэгэл отличался декоративным выступом (энгэр) спереди на борту, он застегивался на пуговицы: у ворота, у выступа борта, плеча, подмышек и на верхней поле. Энгэр играл важную роль в родоплеменном отличии. А в сувенирных куклах он является неотъемлемой частью образа. Воротник – стойка располагался по линии ворота и спереди застегивался на пуговицу. В западных дэгэлах энгэр отсутствовал, вместо этого спереди был прямой разрез. Дэгэл стягивается в талии ремненным кушаком или мягким матерчатым поясом (бэһэ), на который подвешивали нож и принадлежности курения: огниво (бэлэ), трубка, инкрустированная серебром – (ганза – маленькая медная трубка с коротким чубуком) и кисет (далин) с табаком, прибор для очистки гари серповидной формы. Гордостью любого бурята считался нож с ножнами, выполненными из дерева и окаймленный серебром и камнями. Ножны носили справа заткнутыми за пояс. Все эти предметы соединялись между собой серебряной цепочкой. Надо отметить, что ножи выделились в ранг отдельного произведения ювелирного искусства и сувениров элит-класса.

Женская одежда отличалась по возрасту, семейному и социальному статусу. Это выражалось в материале, крое одежды, в украшениях и т.д. У западных бурят, по данным Р. Д. Бадмаевой, платье было туникообразного покроя, лиф и подол богато украшались. Рукава состояли из сборки – фонаря до локтя и суженой нижней части. Воротник был выполнен стоечкой. Платье распахивалось спереди. У восточных бурят были контрастные отличия: у дэгэла запах был на правую сторону, лиф был низко опущен до середины бедер. Рукава были составные: наплечная часть была в виде буфа, нижняя удлиненная часть была другого цвета и заканчивалась обшлагами. Все места швов были закрыты яркими полосками ткани (шелк, парча) или тесьмой. Поверх платья женщины обязательно носили расклешенную к низу безрукавку (хубайси). На безрукавке присутствовала отделка спереди и по спинке из полосок бархата, флиса или сукна с нашитыми перламутровыми пуговицами или медными монетами. Костюм часто дополнялся нарядной вышивкой и аппликацией по подолу.

Головные уборы занимали не последнее место в костюмном комплексе и несли в себе родоплеменные и возрастные особенности, которые интерпретируются и находят выражение в сувенирных куклах. На голове у девушки заплетали до 20 косичек, в концы вплетали украшения. После замужества женщина носила одну или три косы, в зависимости от рода. А к старости волосы на голове сбрасывались. Существовало несколько видов головных уборов. Наиболее простой из них одношовный колпак (удэн) с наушниками и полукруглым вырезом сзади, закрывающим шею. Вторыми

по использованию выделяются круглые конусообразные шапки (малгай) с небольшими полями и с красной кисточкой (залаа) наверху. У них тулья имеет остроконечную форму, а отвороты на зиму обшивались мехом. Все детали, цвет головного убора имеют свою символику, свой смысл. Часто используемый синий цвет тульи символизирует небо, остроконечная верхушка шапки – процветание, благополучие. Серебряное навершие (дэнзэ) с красным кораллом на верхушке шапки, как знак солнца, освещающего своими лучами всю Вселенную. Кисти (залаа сэсэг) обозначают лучи солнца, непобедимый дух, счастливую судьбу.

Большое значение придавалось украшениям, как у мужчин, так и у женщин. Материалом служило серебро, реже другие металлы, с инкрустацией кораллами, нефритом, бирюзой, янтарем и жемчугом. У женщин в ушах были огромные серьги, поддерживаемые шнуром, перекинутым через голову, а сзади ушей – «полты» (подвески). На руках серебряные или медные бугаки (браслеты) и другие украшения [1]. Они служили оберегами, идентификаторами социального и семейного положения и имели сакральные значения. Особенно распространены были кольца, перстни, браслеты и серьги. Форма колец связывалась символически с Солнцем и бесконечностью. Из головных украшений женщин стоит выделить футляры для кос (шэбэргэл, Г-образные – туйбо). Они состояли из трубок для кос, украшенных пластинами из серебра со вставками камней. В них вставляли волосы у основания косы и обертывали тесьмой, снизу подвешивали пластины и бусы. Была также группа височно-нагрудных украшений (һиихэ), они состояли из пластин, колец разного диаметра, скрепленных между собой цепочкой и украшенных вставками из камней, к ним добавлялись снизки и подвески бус из камней, а также монет. Височные украшения свисали от шапки до линии груди или до пояса, прикрывая шею и виски, их вешали в три ряда – на уровне груди, пупка и бедер. Нагрудные украшения были в виде пластин, которые утяжелялись книзу. Сюда же входил медальон-ладанка (гуу), в них хранили тексты молитв или горсть земли, они выполнялись различные по форме. На груди у женщин были монисто из ниток кораллов, серебряных и золотых монет. Использовались и полосы ткани, на которые пришивались монеты или снизки бус. Женщины носили и поясные украшения, в них входили нож и огниво, меньшие по размеру чем мужские, и мелкие повседневные принадлежности для чистки ногтей, ушей, игольница. Под шапкой на линии роста волос голову украшали берестяной полоской (даруулга) или просто полоской из бархата, обшитой тканью и пришитой к ней в три ряда бусины коралла, бирюзы, малахита. Самые полные комплекты носили на свадебных обрядах.

Обувь была башмаковидного типа с вздернутыми вверх носками (гута́л). Она была одинакова для мужчин и женщин. Запятники, носки и голенище декорировались аппликациями из кожи [3, с. 164].

К середине XX в. ношение национального костюма сменилось современными нарядами, а сам костюм отошел к праздничной форме одежды. В дальнейшем национальный костюм перешел в сувенирную продукцию (рис. 1).



Рисунок 1. Примеры кукол сувенирных в народном костюме бурят

Вторым крупным пластом материальной культуры, перешедшей в сувенирную продукцию, являются бытовые вещи и предметы, присутствовавшие в зависимости от промыслов бурят, а также образы животных. В домашнем быту буряты использовали предметы, выполненные, в основном, из металла (ножи, украшения разного типа, котлы и др. домашняя утварь). Особое место среди утвари занимало оружие, т. к. охота была первым и основным промыслом до XVII в. [4, с. 109]. Изображение животных часто присутствует на сувенирах, т. к. буряты долгое время вели кочевой образ жизни, и скотоводство являлось основным вариантом хозяйствования. Существовал основной круг домашних животных, куда входили рогатый скот, верблюд, лошадь, баран, коза. Среди элитных сувениров присутствуют седла, так как лошадь является неотъемлемой частью жизни бурят в любом виде деятельности. Для бурят она была и остается основным животным в хозяйстве, поэтому большое внимание уделялось сбруе и украшению коня. На нее одевали уздечку и седло, которое занимало главное место в снаряжении. По лошадиной сбруе можно было определить сословие его хозяина, существовали повседневные уздечки и нарядные, на праздники богато украшенные чеканкой. Возле юрты для лошади сооружали коновязь – сэргэ, ей приписывалось сакральное значение, как место обитания родового духа, поэтому ставил ее только мужчина, у которого есть продолжение его рода. Из конских волос, состриженных в начале лета, вили веревки и ткали ковры – тары и гобелены. Гобелены существуют как отдельные произведения декоративно-прикладного и народного искусства, но и как сувенирная продукция.

Самым древним из ремесел является художественная обработка металла. Ремесло кузнеца обожествлялось, это было связано с мифами о его небесном происхождении. Кузнецы делились на черных (хара дархан) и белых (саган дархан). Белые кузнецы занимались ювелирным искусством, а черные – производством домашней утвари, орудий труда. Бурятские мастера использовали практически все известные технологии (филигрань, зо-

лочение, литье, инкрустация, художественная ковка и т. д.). Главным материалом ювелирного искусства служило серебро с инкрустацией камнями. В художественной обработке металла на высоком уровне была и остается чеканка, ею украшались как утварь, так и украшения.

Свою особую роль в сувенирной продукции играет и национальная бурятская пища. В первую очередь это бузы – национальный бурятский мясной продукт, который часто изображается на сувенирах. Также молочная пища – это образ пиалы в руках женщины, используется как символ гостеприимства в сувенирной продукции.

Следующим крупным идентифицирующим элементом культуры выступает юрта, как форма жилища для кочевого образа жизни. Она представляет собой сборно-разборную конструкцию, которая была предназначена для транспортировки на вьючных животных. Каркас юрты покрывался слоями кожи и войлока. В юрте было достаточно символики: так очаг был символом благополучия, хранителем рода, символом объединения многих групп людей. За очагом располагалось самое почетное место в юрте, где стояла божница с ламаистскими предметами культа (гунгарба) и сундуки (ухэг). Символическое значение было и у входа – предохранение жилища от всего плохого и злых духов. Слева была мужская половина юрты: от входа хранились конские принадлежности и седло, охотничья амуниция. У очага были места для почетных гостей. На этой же половине с юго-восточной стороны находились сундуки, окованные на подставках, с лучшими вещами, диванчик деревянный и стол. С правой стороны юрты была женская половина, на ней располагались посуда и домашняя деревянная утварь и кровать. Коновязь (сэргэ) была символом мирного дерева и присутствовала возле каждой юрты [3, с. 147]. В ходе исследования выявлено, что образ юрты используется на магнитах и в качестве курильницы для благовония (рис. 2).



Рисунок 2. Образ юрты в сувенирной продукции

В завершении следует отметить широкий спектр сувенирной продукции, относящейся к бурятской культуре. В связи с бурным развитием туризма в республике этот рынок постоянно пополняется ассортиментом и разнообразием материалов исполнения.

Библиографический список

1. Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм. – Улан-Удэ : Улзы, 1978.
2. Батуев Б. Б. Буряты в XVII - XVIII вв. – Улан-Удэ, 2006.
3. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – Москва : Наука, 2004.
4. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – середине XIX веков. // О. В. Бураева. – Улан-Удэ : изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2000.

ГОРОД КАК СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

З. Н. Афинская

Л. Н. Кулаженкова

*Кандидат филологических наук, доцент
старший преподаватель
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
г. Москва, Россия*

Summary. Abstract: the Dynamics of space and time reflected in the history and current life of the city, gives this concept a strong position in the language picture of the world. The names of streets, squares, boulevards are of interest not only as facts toponymy, they create a semiotic space, the most important "place of memory". The article considers the peculiarities of motivation of the urban toponymy in the light of semiotic, linguistic and cultural problems. Analysis of linguistic material is based on descriptive method. The research results allow to expand the understanding of the motivational potential of the urban toponymy.

Keywords: semiotics; motivation; history; culture; prestige; urbanism.

Актуальность исследования урбанистической семиотики объясняется во многом значением реальности *город* для современного общества. [1] Городской ландшафт представляет собой интерес для географов, историков, архитекторов, авторов путеводителей и др., так как городское пространство обладает своими образами, символами, знаками, своей семиотикой [5]. Вслед за Ю. С. Степановым, будем рассматривать семиотику «как науку о любых объектах, несущих какой-либо *смысл*, значение, информацию (такими могут быть одежда, моды, меблировка помещений, планирование и архитектурное оформление, внутреннее и внешнее пространство и т. д.) – вне зависимости от того, прощупывается ли в таких системах или нет (чаще всего ответ был: нет) какая-либо внутренняя организация, подобная организации высказывания в языке» [8, с. 10]. Отсюда – постоянное стремление лингвистов, философов, социологов и культурологов (С. В. Пирогов, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, М. Вебер, Л. Вирт, М. де Серто, Г. Дебор, А. Лефевр и др.) дать свое видение города вообще, рассказать о родном городе. Город обретает очертания семиотизированного пространства в языковой картине и в качестве дискурса, «одушевленного» присутствием человека с его обыденным существованием. Согласно фран-

цузскому философу Анри Лефевру: «La ville émet et reçoit des messages. Ces messages se comprennent ou ne se comprennent pas (se codent ou se décodent ou non)» – «Город посылает и получает послания. Эти послания воспринимаются или не воспринимаются (кодируются и дешифруются или нет» – пер. Л. К.) [13, с. 70].

Город – феномен, в котором постоянно происходит процесс взаимодействия как рационального, так и творческого стремлений перестроить существующее пространство. Мы постоянно наблюдаем рождение новых форм городского дискурса, вследствие того, что в городе сконцентрированы не только институциональные и материальные факторы урбанизма, но и огромное количество населения, что подразумевает «...кумулятивное заострение характеристик, которые отличают связанный с ростом городов образ жизни...» [2, с. 95]. Вслед за В. В. Ивановым мы предполагаем социолингвистическое предназначение города: «Одним из самых существенных семиотических особенностей большого города, по-видимому, с самого начала его истории является многоязычие или в более общем смысле наличие нескольких одновременно используемых семиотических систем» [4, с. 173].

В языковой картине города аккумулируются национальный язык и региональные и диалектные формы. Нахождение в одном пространстве разных культур создает особую семиотику, представленную, в частности, в названиях улиц, бульваров, площадей; в ней отражена история населенного пункта, а также представления городских властей и жителей о значении этого места проживания. Обозначение улиц, присваивание им названий – это социально-культурный феномен, важнейшее «место памяти» людей, населяющих любой город. Термин *les lieux de mémoire* был введен в культурный дискурс французским социологом П. Нора для обозначения событий, персоналий, памятников культуры, значимых для каждой нации. Место памяти» – это «... un lieu de mémoire est un lieu souvent localisable dans laquelle une société nationale entasse ses propres souvenirs et que la société constitue comme un lieux de mémoire» («В точном смысле этого слова, памятное место – это место, как правило, локализуемое, в котором национальное общество помещает собственные воспоминания и которое обществом утверждается как памятное место». – пер. Л. К.) [15, с. 16]. Т. Ю. Загряжкина относительно концепта «места памяти» замечает, что это могут быть «не живые свидетели прошлого, а свидетели его утраты и/или девальвации» [3, с. 27]. Семиотика улиц больших и малых городов подтверждает этот тезис.

Городская топонимика представляют собой систему означаемых (улицы, площади, бульвары, авеню и т. д.) и означающих (имена исторических деятелей, название исторических событий, особенности географического ландшафта, название профессий, гильдий и пр.). Словарь названий городского пространства разнообразен (*avenue, boulevard, allée, esplanade,*

quai, etc) и постоянно пополняется новыми терминами для обозначения урбанистических зон (zone, ZAC, ZUP, etc.), видов недвижимости (cité, HLM, résidence, etc), частей города (centre, périphérie, banlieue, etc.). Весь комплекс формантов городского пространства (многоквартирные дома, административные здания разного назначения, культовые здания, парки, бульвары, проспекты, мосты, площади, улицы, переулки, тупики) существует в городе в неразрывном социо-культурном единстве. Эта «морфологическая» [12, с. 145], по словам французского философа Ле Бра, система призвана семиотизировать не только городской ландшафт, но и социальные группы, населяющие каждую «морфему». С помощью урбанистических терминов (*banlieue, cité, quartiers sensibles*) обозначаются в муниципальном нарративе участки городского пространства, с помощью которых возможно описать категории населения, проживающие в этих кварталах [16]. Улицы и городские кварталы – объекты муниципальной деятельности, но также культурные «места памяти», представляющие исторический и социо-экономический интерес.

Так, в маленьком городке Брив в провинции Овернь несколько улиц названы для обозначения главной магистрали: *Rue de la Grande Chaussade* (*Chaussée, chemin ...etc*), *Impasse de la Petite Chaussade*, *Rue du Chateau*. В этом городке сохраняются названия улиц согласно тем профессиональным занятиям, которые там осуществлялись по преимуществу: *Rue du Cros du Four* (Cros – может быть фонетическим вариантом старинного названия хлебопекарен), *Rue des Tanneurs* (улица кожевников). Площади и улицы сохраняют память о крестовых походах: *Place de la Mission* (миссионеры-крестоносцы проходя по этим городкам, возводили Святые кресты); *Rue Saint Maurice* (главный храм городка, названный в честь его святого покровителя), о важных для существования города коммунальных услугах (*Place du Lavoir* – посреди этой площади возвышается каменная ванна для общественной стирки белья). Некоторые площади названы согласно их пространственной форме: *Place de la Conche* (старое название формы раковины).

Процесс наименования улиц сводится, в общих чертах, как и любой процесс номинации, к проблеме «выбора признака (мотивация) и его выражения во внешней форме наименования (мотивированность)» [6, с. 81]. «Обозначить или назвать место или пространство – пишет Анри Лефевр, – это общественный акт, так как наименования меняются и представляют собой языковые формы (относительно) стабильные. С социологической и исторической точек зрения интересно изучить социальные корни номинации и их роль в городской топонимии» (пер. Л. К.) – («Désigner ou nommer un lieu ou un espace est un acte social, dans la mesure où les nominations circulent et présentent des formes (relativement) stabilisées. Du point de vue sociologique et historique, il est intéressant de considérer l'origine sociale de la nomination et son rôle dans la constitution des toponymes urbains») [13, с. 13].

В средневековой Европе, когда устная культура преобладала над письменной, названия улиц появлялись, как правило, в жизни города как факт повседневности. Мотивация названий улиц, таким образом, отвечала нескольким критериям: обозначение формы улицы, основной деятельности или социальной принадлежности проживающих на ней, обозначение культового здания, иногда – имя важной персоны, обосновавшейся на той или иной улице.

Так, в городах регионального значения (Брив-ля-Гайярд, Лимож, Грасс, Экс-ан-Прованс) названия улиц в старой части города отвечает нескольким критериям:

- форма и местоположение относительно центра города: rue Basse (нижняя),

- основная деятельность населения: de Frappe (чеканка), des Pâtissiers (кондитеры), de la Poterie (гончары), des Carbonnières (угольщики), des Echevins (городские советники), des Prêcheurs (доминиканцы), des Tanneurs (кожевенники), de la Verrerie (стекольщики);

- обозначение культовых зданий: церкви St.-Josef, St-Grégoire, Ste-Ambroise,

- обозначение важных городских сооружений: de l'Entrepôt (склады), Grenier (зернохранилище), des deux Porches (две паперти), des Puits Neufs (новые колодцы), Fontaine d'Argent (фонтан).

Наименования площадей, появившиеся практически одновременно с улицами, как один из необходимых видов организации городского пространства, отражает в своих названиях принципы, схожие с названиями улиц:

- функциональное назначение: de la Halle (рынок), des Tanneurs (кожевенники);

- культовые сооружения: St. Pierre, St.Martin, des Soeurs, Aumone Vieille (церкви, монастыри);

- административные функции: de l'Hôtel de Ville (ратуша).

Названия улиц, как и названия самих французских городов запечатлели эпоху строительства храмов и монастырей. Некоторые из этих названий были заменены в эпоху Великой Французской революции 1789 г., но позже в XIX веке им вернули старое название. Так, большие города по-прежнему называются по имени святого покровителя (Saint Etienne, Saint Quentin, Saint Malo), равно как и малые города, например, в области Овернь (Sainte Agathe, Sainte Catherine, Saint Flour). Названия улиц в честь святых сохраняются и находятся они, как правило, в центре города. Но, как ни странно, эти улицы долгое время находились вне зоны пристального внимания муниципальных урбанистов, вследствие чего они постепенно заселялись мигрантами, вытеснявшими коренных жителей. Так, в Париже печально известен квартал Сен-Дени, в Бордо – улица Сен-Жам. Только в последнее время улица Сен-Жам вслед за улицами Сен-Мишель, Сент-

Катрин, Сен-Пьер в Бордо была заново обустроена – при сохранении старинных зданий – с тем, чтобы стать городским пространством, представляющим интерес не только для туристов, но и для коренных жителей. Эти улицы нередко представляют собой «места памяти» национального значения. Так, на улице Сен-Жам, заброшенной властями и фактически превращенной в опасную зону, покинутую коренными жителями, находится здание типографии, где были изданы в 1580 г. «Опыты» Мишеля Монтеня.

Городская семиотика демонстрирует чередование тех наименований, которые возникли благодаря самим жителям и институциональным процедурам. Начиная с XVII века, с эпохи расцвета монархии, и позже, вплоть до XX века названия улиц возникают вследствие политического решения как обозначения присоединенных провинций (Прованс, От-Вьен, Эльзас-Лотарингия), символизируя процесс объединения нации. Особенно отчетливо процесс присвоения имен почетных граждан, имеющих большие заслуги перед государством был проявлен в эпоху Революции. Знаменитая триада названий улиц (*Гамбетта-Республика-Виктор Гюго*) отмечена практически во всех французских городах.

В связи с развитием урбанизма в XX веке мотивация городской топонимики существенно меняется – администрация вынуждена называть улицы еще на стадии планирования новых кварталов, присваивая им имена известных деятелей национальной культуры и истории (Фрагонар, Карно, Мирабо, Генерал Де Голль) или, что актуально для муниципального нарратива, прибегая к критериям политического выбора. Так, во французских городах появляются наименования в честь американских политических деятелей: авеню du Pdt Roosevelt; бульвары: du Général Koenig; площадь Кеннеди.

В новых районах преобладает семиотическая тенденция, мотивированная урбанистической деятельностью администрации, но отнюдь не наименования, рожденные языковым творчеством населения. Таковы, например, названия улиц, как Raspail, P. Dejean, P. De Salvandy, Alfred de Musset, H. Brisson, du Général Dalton, Léon Cladel, du Général Verninac в г. Грасс, напоминающие топонимику других городов регионального значения.

Институциональные названия улиц закрепляются в административных актах и официальных перечнях улиц города и, как правило, не подлежат изменениям, как это происходило с исконными названиями в честь святых в период буржуазной революции. Не только городские кварталы, но и улицы современных городов приобретают важное социальное значение престижа. Современное общество потребления присваивает себе городское пространство как товар – престижный или непрестижный, в соответствии с нормами «общества спектакля». Ги Дебор, автор концепции «общества спектакля» утверждает «La société qui repose sur l'industrie moderne n'est pas fortuitement ou superficiellement spectaculaire, elle est fondamentalement *spectaculiste*» – «Общество, которое опирается на совре-

менную индустрию не случайно или чисто внешне – спектакль, оно фундаментально *спектаклистно*». – пер. Л. К.) [11, с. 21]

Авеню и бульвары возникали в городах в эпоху активного урбанизма, начиная, главным образом, с XIX века, поэтому в их названиях прослеживается культурная и историческая мотивация городских властей: авеню Georges Dumas, de la Liberation (освобождение от немецкой оккупации), Garibaldi. Но сохраняется отчасти и «исконный» принцип: place des Bénédictins (пл. ордена Бенедиктинцев).

Бульвары, возникшие в столице и в региональных городах в периоды активного урбанизма, соответствуют магистральным направлениям урбанистической семиотики, поэтому в их названиях сохраняется принцип наименования, отражающий исторический процесс, когда бульвар возникает на месте старых улиц: de la Corderie (канатное производство и торговля канатами), St.-Maurice, de la Cité. Но постепенно возрастает количество названий, мотивированные административной урбанистической деятельностью. Бульвары Louis Blanc, Gambetta встречаются во многих городах Франции.

В качестве итогов проведенного исследования отметим:

1. Город постоянно расширяет свое географическое и символическое пространство в соответствии с урбанистической политикой, что способствует появлению новых топонимов и нового урбанистического дискурса. Мотивация топонима, предшествуя номинации, определяет текст городского пространства. Процесс наименования городского пространства сводится к проблеме выбора признака (мотивация) и его выражения во внешней форме наименования (мотивированность) [6, с. 81]. Поэтому город становится не только жизненным пространством, но и текстом.

2. Социолингвистическая панорама города постоянно меняется во времени и в зависимости от урбанистической политики города, региона, страны, от перемещения населения по территории города, в зависимости от имущественных, социальных и культурных критериев.

3. Семиотика города отражает социальные изменения в жизни населения, его культурные запросы: жить в центре или на окраине, в престижном пригороде или в производственной зоне отражает реальные и воображаемые ценности. Отношения между населением города и наименованиями городского пространства символизируют реальные, символические и дискурсивные факторы.

Библиографический список

1. Афинская З. Н. Как рассказывать о городе, или особенности вербализации концепта ville // Парадигмы знания. – № 1. – 2015. – С. 32–36.
2. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни/Избранные работы по социологии : сб. переводов / пер. с англ. Николаев В. Г.; отв. ред. Гирко Л. В. – М., 2005.
3. Загряжская Т. Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура. – М., 2015.
4. Иванов В. В. К семиотическому изучению культуры истории большого города // Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. 4. Знаковые системы культуры, искусства и науки. – М., 2007.
5. Карасик В. И. Этноспецифические концепты. Гл. 1 «Иная ментальность». – М. : Гнозис, 2005.
6. Павлова А. В. Анализ мотивированности и внутренней формы наименования состояний (на материале английского и русского языков) // Перспективные научные исследования в языкознании : Колл. монография / под ред. А. В. Павловой. – М., 2012. – С. 57–83.
7. Пирогов С. В. Город как феномен культуры: когнитивный подход// Вест. Томск. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. Вып. № 2/2011. – С. 31–38.
8. Степанов Ю. С. Семиотика: Антология/сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е испр. и доп. – М., 2001.
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2004.
10. Courtois Cath. La rue Saint-James ou le réveil de « La Belle endormie »//Le Monde, 13 avril 2016.
11. Debord G. La société du Spectacle. – Paris : Gallimard, 1992.
12. Le Bras H. L'hospitalité comme relation. Dilatation de l'espace et contraction du temps//Communications, n. 65, 1997. – P. 143–148.
13. Lefebvre H. Le droit à la ville. – Paris, 1968.
14. Leimdorfer Fr .Des villes, des mots, des discours //Langage et société. – 2005/4 (n° 114). P. 3–25.
15. Nora P. Le présent et la mémoire // LeFdlm, n°181, 1983. – P. 10–18
16. Ponti A. U parcours sociosémiotique dans les quartiers populaires de Paris et de sa banlieue //Nouvelle revue de psychosociologie – Paris, 2011/2(n°12). – P. 41–61.

В ПОИСКАХ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: «РУССКИЙ МИР»

Ф. Ф. Саетгалиева

*Кандидат философских наук, доцент
Казанский государственный
аграрный университет
г. Казань
Республика Татарстан, Россия*

Summary. Modern Russia is experiencing an identity crisis and is in search of a new identity. Currently has become a vital concept: "Russia is Russian world". This concept has gained not only academic interest and policy relevance and practical significance.

Keywords: globalization; crisis of identity; Russian world; Russian civilization.

Стремительно распространяющаяся глобализация наряду с явными позитивными моментами таит в себе и негативные стороны. Так, в социокультурном аспекте глобализация предполагает утверждение неких единых, общемировых ценностей и даже попрание христианских ценностей. Россия, как и другие страны мира, возводит цивилизационные барьеры и фильтры, отбраковывая чуждые нашему народу ценности западного мира. Сегодня мы наблюдаем, как государство развернуло мощную пропагандистскую кампанию в поддержку традиционных духовных ценностей, особой русской идентичности. Все чаще стали звучать лозунги: «Россия – не Европа», «Россия – это особый русский мир».

Вопрос о Русском мире – далеко не новый. Философская и политическая доктрина Русского мира сформировалась еще в XIX веке на базе славянофильского издания под соответствующим названием – «Русский мир». Однако политической реальностью он так и не стал ни при последних Романовых, ни тем более в советское время. Радикальным образом ничего не изменилось и после распада СССР. Правда, в 1999 году был принят закон о поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, но работал он весьма вяло.

В 2006 году, в преддверии года русского языка, Владимир Путин заявил: «Русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами. Почаще употребляйте это словосочетание – "Русский мир"».

На государственном и церковном уровне был предпринят ряд шагов, направленных на взаимное сближение русских, живущих в России и за ее пределами. В мае 2007 года был подписан Акт о воссоединении Русской Зарубежной Церкви с Московским Патриархатом, а в июне того же года Министерством иностранных дел и Министерством образования и науки Российской Федерации был создан фонд «Русский мир». На сайте этого фонда можно найти базовые принципы концепции Русского мира: «Русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши со-

отечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки. Это ещё и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее» [2]. Далее следует заявка на то, чтобы считать Русский мир глобальным проектом, направленным на формирование новой идентичности: «Формируя «Русский мир» как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность, новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы собственного развития...» [2].

Игумен Евфимий (Моисеев) рассматривает «Русский мир» как тот цивилизационный проект, который Россия может предложить миру в XXI веке как альтернативу западному проекту [1].

В настоящее время концепция Русского мира приобрела не только академический интерес, но и политическую актуальность и практическую значимость. Однако в этом качестве этот вопрос вызывает неоднозначные, полярные точки зрения. Одни полагают, что Русский мир – реальная социальная общность, из интересов которой исходит нынешнее руководство государства при выработке долгосрочных стратегий развития, а также принятии конкретных решений во внешней и внутренней политике. Другие, напротив, считают, что никакого Русского мира не существует, и что он не более, чем некий миф, используемый для оправдания рискованных политических действий. Подобная позиция сильна в западных политических кругах и СМИ.

На наш взгляд, правы все-таки те, кто признает реальность Русского мира. Сегодня становится очевидным, что у России, пережившей годы постсоветского идеологического вакуума, появились идеи, благодаря которым она может эффективно сохранять свою идентичность и государственную целостность. Во-первых, это глубокое убеждение в том, что существует особая российская цивилизация, которая отличается от западной и выходит за границы Российской Федерации; во-вторых, это широкое распространение мощнейшей скрепы – русского языка, на котором говорят около трехсот миллионов человек по всему миру; в-третьих, стремление России к внешнеполитической независимости. Все эти факторы способствуют сохранению и укреплению собственной цивилизационной идентичности и национальной самобытности государства.

Библиографический список

1. Игумен Евфимий (Моисеев). Концепция Русского мира как цивилизационный проект XXI века // URL: <http://kurskpds.ru/articles/kontsepsiya-russkogo-mira-kak-tsivilizatsionnyy-proekt-khkhhi-veka/> (Дата обращения 03.09.2016).
2. Фонд «Русский мир», раздел «Идеология»// URL: <http://russkiymir.ru/fund/> (Дата обращения 03.09.2016).



V. ETHNO-CULTURAL PRINCIPLES AND VALUES IN FORMING PERSONAL IDENTITY



ПОТЕНЦИАЛ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ НОРМ И ЦЕННОСТЕЙ АДЫГОВ В РАЗВИТИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

А. А. Афашагова

*Кандидат педагогических наук, доцент
Адыгейский государственный
университет, г. Майкоп, Россия*

Ж. М. Ожева

*соискатель
Кубанский государственный
университет
г. Краснодар, Россия*

Summary. The aspects of ethnic and cultural experience of the Adyghe people are indicated in the article, representing a value potential as a factor in modern education and ethno-cultural identity of the individual, the development and growth of ethnic identity in a multicultural Russia.

Keywords: ethno-cultural experience; value potential; identity; self-identification.

В условиях процесса глобализации в связи со смешением различных мировых этносов все больше внимания ученых привлекают вопросы этнической идентичности и развития этнического самосознания человека.

Глобальная концепция формирования и развития этносов разработана Л. Н. Гумилевым. Он, исследуя проблему этногенеза, усматривал прямую зависимость его от географической среды. Ландшафт влияет на стереотип поведения этноса, потому что он является частью этнической системы. Различие этносов между собой определено не расой, языком, религией, образованностью, а только стереотипом поведения, являющимся высшей формой активной адаптации человека в ландшафте. В. Г. Белинский отмечал резкое отличие южных народов от северных, вследствие их географического положения и климатических особенностей.

Историческая традиция взаимодействия в социоприродной среде каждого этноса имеет ценности планетарного значения. Так, например, он может способствовать выживанию человечества в современных экологических ситуациях, если, например, в результате каких-то природных катаклизмов земля превратится в пустыню, то опыт народов, давно освоивших пустыню, поможет человечеству сохраниться, если наступит вечная зима, то имеется опыт народов, живущих в северных широтах и т. д. Следовательно, культурный опыт любого и каждого народа является частью общечеловеческих ценностей.

Потенциал этнокультурных норм и ценностей адыгов прослеживается в устном народном творчестве, в частности в эпосе «Нартхэр» («Нарты»), каждый эпизод и строфа которого несут воспитательную и образовательную ценности, не вызывающие сомнения в его педагогических возможностях по возрождению и развитию национального самосознания и этнической самоидентификации личности.

Идентичность – как свойство человеческой психики в концентрированной форме выражать то, как он представляет свою соотнесенность с другими социальными, расовыми, языковыми, национальными, политическими и другими общностями имеет:

- социальный уровень – аспекты индивидуального самосознания, проистекающие от принадлежности к социальным категориям и идентификации с ними (например, жизненный путь, тендер, религия, занятие и т. д.). Социальная идентичность складывается на ранних этапах социализации личности;

- этнический уровень – результат эмоционально-когнитивного процесса осознания этнической принадлежности, отождествление индивидом себя с представителями своего этноса и обособления от других этносов;

- психологический уровень – психосоциальная совокупность базовых психологических, социально-исторических и экзистенциальных характеристик личности [4].

Мотиватором формирования и развития у обучающихся обозначенных уровней может стать знание потенциала системы этнокультурных норм и ценностей адыгского народа, позволяющих сделать жизнь человека осмысленной, образующей внутренний стержень этнокультуры, духовную quintessence потребностей и интересов личности и социальных общностей. Она, в свою очередь, оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важных средств педагогического взаимодействия.

Следует привести примеры некоторых феноменальных аспектов этнокультурных норм и ценностей, как моральная значимость деяния народа и «ориентиры субъективной деятельности в мире социальных отношений» (Д. Архангельский).

В содержании эпоса прослеживаются глубокие медицинские познания зихо-меото-адыгов: о лечебных свойствах растений, минералов, разных животных, которые позволяли им быть искусными врачевателями всех болезней, более того, некоторые методы лечения различных заболеваний были открыты адыгами, о чем свидетельствуют следующие высказывания.

Впервые в мире методы предохранения от оспы были придуманы адыгами (черкесами). Н. Н. Грейнс писал, что «...народной медицине адыгейцев было известно оспопрививание задолго до того, как оно стало достоянием научной медицины» [3].

Авторы отмечают, что черкешенки были, не только красивы, воспитаны, мастерицы, но и шли ради будущего своего народа на самопожертвования, что и дало основание сказать К. А. Гельвецию: «Как много мы обязаны легкомысленной черкешенке, которая ... первая решилась привить себе оспу! Скольких детей оспопрививание вырвало из когтей смерти! Может быть, нет ни одной основательницы монашеского ордена, которая оказала бы миру столь же великие благодеяния, и тем самым заслуживала бы его благодарность» [2].

Прадедушка автора, Каншау Ципинов, умел лечить терапевтические, хирургические, ортопедические болезни, впоследствии мастерство отца переняли его дочери. Бабушка, Набзух Хамаджихова, 1907 года рождения, могла лечить терапевтические болезни, она лечила гангрену настоями из трав, которые сама собирала по сезонам, сушила в затененном, проветриваемом месте, хранила в плетенных из хвороста корзиночках на чердаке, из которых изготавливала лечебные настои и порошки с добавлением различных минералов. Ее сестра, Хани Пханаева, 1893 года рождения, была костоправом. Исправляла ошибки других, ломала снова неправильно сросшиеся кости, и накладывала шину, гипс собственного изготовления.

Адыгами культивировался здоровый образ жизни. «В то время не было ни одного Нарта, который был бы рабом своего живота и пленником еды-питья. Не пили так, чтобы терять над собой власть. Тогда не пили как сегодня и женщины, и молодежь, и старики... Тогда наша нация была передовой. Молодежь почитала старших. Разумные управляли делами народа. Все почитали закон...» [1].

Новое поколение, необходимо не просто знакомить с социальным опытом прошлого, а зажечь молодых, раскрыв богатства этнокультурного наследия и многовековых традиций народа, несущих в общество благонравие, человечность, отзывчивость, взаимоуважение, увеличивают ответственность за воспитание и развитие детей, что очень важно для проживания в поликультурном пространстве России.

Библиографический список

1. Афашагова А. А. Экологические идеи адыгского эпоса «Нартхэр» (Нарты) и возможности их использования в педагогическом процессе. – Майкоп, 2004.
2. Гельвеций К. А. Сочинения в 2-х тт. – М., 1973. – Т. 1.
3. Грейнс Н. Н. Культовые предметы адыгейцев и осетин // Ежегодник музея истории. – Т. 5. – М., 1961.
4. Психология общения: энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. – М., 2011.

ДИНАМИКА УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТИ ДИМИНУТИВОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ РОДСТВА

С. Н. Глазкова

*Доктор филологических наук, профессор
Миасский филиал
Челябинский государственный
университет
г. Миасс
Челябинская область, Россия*

Summary. The business card of Russian – existence of a large number of diminutive words. The last 30 years changed appearance of the modern Russian language. Diminutive words steadily reduce the common use up to a total disappearance of some words. These changes can't be explained with dynamics. Reduction of diminutive words demonstrates change of the Russian national language pattern of the world

Keywords: diminutive words; rate; dynamics of common use.

По мнению авторитетных лингвистов (А. Вежбицка и др.), для русского языка характерна завышенная эмоциональность. Это свойство проявляется в разговорной речи. С помощью различных средств выражения эмоциональности, в том числе за счет большого спектра специализированных диминутивных суффиксов, русская словообразовательная система позволяет варьировать оттенки речи. Этот факт позволяет причислить диминутивность в русском языке к наиболее развитым категориям словообразования. Многие переводчики сталкивались с проблемой диминутивов при переводе с русского языка. Так, например, И. Хорват приводит следующие результаты сравнительного анализа перевода романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» на венгерский язык: из 462 диминутивов, зафиксированных в тексте, 326 переданы при переводе иными языковыми средствами [6]. Это далеко не единичный пример.

Функции диминутивов и их роль в системе современного русского языка хорошо исследованы и с грамматической, и с прагматической стороны (В. В. Виноградов, А. Д. Шмелев и др.). Лингвокультурный аспект изучения диминутивов, как представляется, еще не исчерпан. Предметом статьи является динамика употребительности диминутивов-существительных со значением родства в современном русском языке.

Русскому языку действительно свойственно наличие большого разнообразия средств для словообразования, которые обладают яркой стилистической окраской. Высокоразвитая система русского словообразования, функционально – стилевое разнообразие словообразовательных типов, многообразие суффиксов оценок, придающих лексике всевозможные экспрессивные оттенки – все это обуславливает отличие русского языка от многих мировых языков. Диминутивы вызывают сегодня споры у лингвистов. С одной стороны, их считают элементом системы разговорного русского язы-

ка и отказывают в праве на легальное положение в речи литературной. Так, в статье «Колоночка про диминутивчики» К. Турковой, опубликованной в «Московских новостях» от 29.05.2012, диминутивы называют «ненавидимыми многими уменьшительными формами» [5]. С другой стороны, диминутивы считают визитной карточкой русского языка [А. Вежицка, В. В. Колесов, В. В. Виноградов и мн. др.], этноконнотатами [3].

О динамике употребительности диминутивов в русской речи тоже нет единого мнения. Л. А. Дудник пишет [1, с. 16] о том, что сегодня диминутивность стала «агрессивной». А. А. Буряковская и Ю. Н. Звонарева называют диминутивность постоянно развивающейся категорией русского языка [2].

К элюативам, т. е. морфемам, содержащим оценочное значение, относятся следующие суффиксы: -ушк-, -юшк-, -оньк-, -еньк-, -ик-, -ек-, ец-, иц-, -ок-, -к-, -чик-, -очк-, -ишк-, -ышк-, -ньк(а), -ичк-, -ёнк-, -онк-, -ночк-, -оночк- и др. В этой группе выделяют субъективно-оценочные суффиксы второй степени, например, -очек-, -очк-, -ечк-, -ечк- и др. Суффиксов субъективной оценки могут удваиваться и утраиваться, чтобы усилить экспрессивное напряжение слова: *доч-ур-оч-к-а*, *дев-ч-он-оч-к-а*, *мам-аш-ень-к-а*, *баб-ул-ень-к-а* и пр.

Диминутивы можно причислить к этноконнотатам. Об этноконнотативном статусе диминутивов пишет Л. Ю. Резниченко. Этноконнотат в диминутивном деривате исследовательница понимает как «многомерную структуру, вызывая в сознании носителя языка отнесенность к определенному культурному пространству лингвокультурной общности на основе образной составляющей и эмотивной оценочности, эксплицируемый диминутивностью» [3]. Динамика употребительности диминутивов отражает, следовательно, изменения и колебания в национальной картине мира.

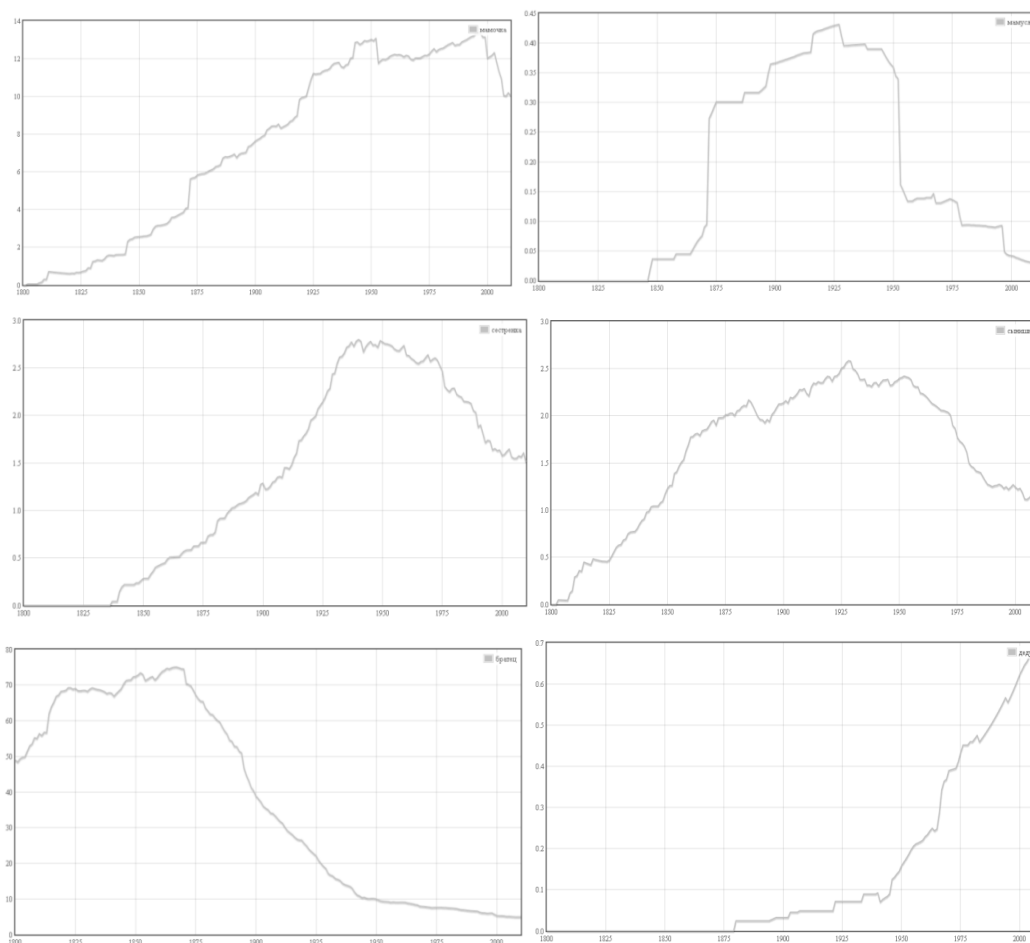
По нашим наблюдениям, употребительность диминутивов в новейшем русском языке неуклонно снижается. Социолингвистический эксперимент проводился со студентами ЧелГУ и состоял в фиксации слов, которыми именуют своих близких молодые люди. Эксперимент показал лексическую скудость употребления диминутивов. Кроме того, мы проверили предположение об отрицательной динамике употребительности диминутивов. Материалом для данного исследования стала тематическая группа лексики со значением ближнего родства. Выбор не случаен: лексика ближнего родства составляет древнейший пласт, она динамична и приспособляется к меняющимся семейным отношениям. При этом над ее высокой употребительностью не властно время. Кроме того, лексика этой группы традиционно богата диминутивами.

Терминами родства считаются названия отца, матери, ребенка, сына, дочери, брата, сестры, прямых кровных родственников по нисходящей линии (*внуки, правнуки, праправнуки*) и по восходящей линии (*дед, бабушка, дядя, тетя*). Сюда же следует отнести термины, выражающие приравни-

вание неродственных людей к кровнородственным, то есть названия *мачехи, пасынка, падчерицы*. Названная лексическая группа испытывает на себе в новейшем русском языке серьезные изменения частотности употребления. Для исследования мы отобрали слова со значением близкого родства, зафиксированные в словаре А. Н. Тихонова [4, с. 136, 436, 512 и др.] и других источниках. Лингвистический материал составил 63 лексемы. Представим его.

Бабенька, бабуля, бабонька, бабуся, бабушка, бабулечка, бабуленица. Братец, братик, братишка, братушка, браток, братуха, брательник, брателло. Дедуля, дедушка, дедок, дедуня, дедуся. Доча, доченька, дочечка, дочка, дочурка, дочурочка, дочушка. Дяденька, дядечка, дядюшка, дядька. Маманя, мамаша, маменька, мамка, мамонька, мамочка, мамуля, мамуся, мамушка, мамик, мамусик. Папаня, папаша, папенька, папка, папочка, папуля, папик, папашка. Сестренка, сестрица, сестричка, сеструха. Сынишка, сынок, сыночек, сынуля, сынище. Тетенька, тетка, тетушка, тетечка.

Анализ частотности употребления проводился с привлечением материалов Национального корпуса русского языка. Приведем в качестве примера несколько графиков, отражающих изменения в частотности употребления указанных диминутивов: *мамочка, мамуся, сестрица, сынишка, братец, дедуля, брателло, дедуня, дочечка, дочушка, папенька*.



родственников, что говорит о начальных изменениях в русской языковой картине мира. Таким образом, категория диминутивности остается насущной и современной, однако в некоторых группах лексики идут полярные процессы. Лексика, отражающая отношения между родственниками – самыми близкими людьми, теряет оттенок человечности, мягкости, нежности, ласки и тепла, определяющих, по мнению многих лингвистов, русский национальный характер.

Не случайно К. Туркова, разгромив «некультурные» диминутивы, пишет: «Прицепив ярлык к уменьшительным суффиксам, мы рискуем свалить их все в одну кучу, не разобравшись в том, что и правда противно, а что логично или, в конце концов, просто терпимо, и в итоге можем обеднить сами себя. А диминутивы — они разные. Их даже пишут по-разному в словарях: и через «е», и через «и»» [5]. Сквозь иронию по поводу вездесущности диминутивов в словах журналистки слышится обоснованное, с нашей точки зрения, беспокойство: теряя диминутивы, мы теряем свою этноспецифику, обедняем себя, утрачиваем национально-культурную самобытность.

Библиографический список

1. Дудник Л. А. К проблеме уменьшительности и уменьшительных образований: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 20 с.
2. Буряковская А. А., Звонарева Ю. Н. Эволюция диминутивов в русской литературе 19 века Журнал Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Выпуск № 1. – 2010. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-upotrebleniya-diminutivov-v-russkoy-literature-xix-veka>. – 13.06.2016.
3. Резниченко Л. А. О статусе диминутивов как этноконнотатов Журнал Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – Выпуск № 3. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-statuse-diminutivov-kak-etnokonnnotatov>. – 20.06.2016.
4. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь. – М. : АСТ: Астрель, 2002. – 704 с.
5. Туркова К. Колоночка про диминутивчики. Почему уменьшительно-ласкательные суффиксы вызывают ненависть // Московские новости. – 2012. – 29 мая. – URL: <http://mn.ru/oped/columns/81654>. – 16.07.2016.
6. Хорват И. Русский язык за рубежом. – 1979. – № 2 (58). – URL: <http://russianedu.ru/magazine/archive/viewnumber/1979/2.html>. – 28.06.16.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «УМ» И «ГЛУПОСТЬ» В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Х. И. Омарова

Магистрант
Дагестанский государственный
университет
г. Махачкала
Республика Дагестан, Россия

Summary. The article studies the concepts *wisdom* and *foolishness* in English paroemias. The evaluation of the given concepts and their culture specific features are revealed as a result of the analysis. Gender characteristics of the concepts *wisdom* and *foolishness* are also determined.

Keywords: paroemia; evaluation; wisdom; foolishness; culture specific.

Развитие лингвокультурологии обусловило изучение языковых явлений, в том числе паремий, с аксиологической точки зрения. Системы ценностных ориентаций, лежащие в основе различных культур, находят свое отражение в паремиях, а их лингвистический анализ дает возможность объективно установить некоторые ценностные приоритеты изучаемой культуры.

Национально-культурные характеристики паремий отражают специфику восприятия мира и могут быть исследованы при помощи культурных концептов. С. Х. Ляпин рассматривает концепт как «многомерное, культурно значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме» [4, с. 16].

Паремии являются частью фразеологического фонда языка и представляют собой обширный материал для изучения оценочного фрагмента той или иной лингвокультуры. Человек не только стремится фиксировать объекты и явления окружающего мира, но и оценивать их. Категория оценки имеет большое значение в организации паремий.

Жанровые особенности паремий, такие как *назидательность*, *стремление передать накопленный опыт*, *зафиксировать* в сжатой форме *наблюдения над явлениями окружающего мира*, сближает их с оценочными высказываниями.

В данной статье рассматриваются концепты «ум» и «глупость» в английских паремиях. В качестве паремий рассматриваются пословицы; высказывания, изречения, суждения, относящиеся к пословице [3, с. 54].

Концепт «ум» представлен в паремиях лексемами *wisdom*, *wise*, *wit*. Примечательно, что в пословицах английского языка употребляется не лексема *clever* ('умный'), а *wise* ('мудрый').

Концепт «глупость» представлен в английских паремиях лексемами *fool* и *foolish*.

Ум, разум характеризуют человека с лучшей стороны, в то время как глупость всегда отрицательно оценивалась и осуждалась в обществе.

One day of a wise man is worth the whole life of a fool.

It is better to sit with a wise man in prison than a fool in paradise.

Исследование пословиц об уме и глупости показало, что для английского этноса важным является такой признак ума как **немногословность**. Качественные характеристики высказанного слова или его отсутствие становятся показателем уровня интеллектуального развития в английском языке [2, с. 63].

*Who **knows** most, **speaks** least / He is a **wise** man who **speaks** little.*

***Half witted** folk **speak** much and say **little**.*

*A **flow of words** is **no** proof of **wisdom**.*

При этом, данный признак релевантен и для мужчины, и для женщины, например:

*A **clever** man can always tell a woman's age – a wise one never does*

A wise woman is one who has a great deal to say, and remains silent

Болтливость является признаком глупости, причем она может довести глупого человека до беды, например:

*A fool is **full of words**;*

*A fool's **tongue** is long enough to **cut** his own **throat**.*

Ум, по мнению англичан, приобретается в результате **жизненного опыта**, никто **не рождается** умным, например:

Experience** is the mother of **wisdom

*No man is **born** wise.*

Глупость, напротив, нельзя вылечить, она **неисправима**, например:

*He who is born a **fool** is **never** cured.*

*Bray a fool in a mortar, he'll be **never** the **wiser**.*

В английской лингвокультуре отмечается, что **умных людей мало**, в то время как **глупость широко распространена**, например:

*A wise man is a great **wonder**.*

*We **cannot all** be wise.*

*Fools are **all the world over**, as he said who shod the goose.*

Англичанам свойственно осознание прагматической полезности ума, ум помогает людям достичь желаемого, приумножить богатства, ум сам по себе лучше богатства, например:

***Wisdom** is more to be envied **than** riches.*

***Well** goes the case where **wisdom** counsels.*

*A wise man turns chance into a **good fortune**.*

*A wise man will **make more opportunities** than he finds.*

В то же время, в английских пословицах отражена мысль о том, что глупых людей часто используют, обманывают, причем это делают умные люди, например:

*A **rich fool** is a wise man's **treasurer**.*

Fools lade out all the water and wise men take the fish.

Fools make feasts and wise men eat them.

Ум, мудрость, в осмыслении англичан ассоциируется с честностью, например:

He is the wise man who is the honest man.

Глупость же ассоциируется с опасностью, в английских пословицах содержится рекомендация остерегаться большого количества дураков, не иметь с ними дела, например:

What is not wisdom is danger

It is better to please a fool than to anger him.

В то же время, глупый человек опасен для себя.

A fool will laugh when he is drowning.

If a fool have success it ruins him.

В английских пословицах мы находим противоречивое отношение к уму. С одной стороны, англичане высоко ценят ум, о чем свидетельствует наличие в языке следующих пословиц:

A wise man is a great wonder.

When one is wise two are happy.

С другой стороны, по мнению англичан, лучше быть везучим, чем умным, и бедному человеку ум не приносит пользы:

It is better to be lucky than wise.

Wisdom in a poor man is a diamond set in lead.

В английских пословицах отражено мнение о том, что глупцам живется легче, в силу их низкого уровня умственной способности к познанию действительности, неспособности оценить ситуацию:

A fool's head never whitens.

He that knows nothing doubts nothing

В английских пословицах также утверждается, что характеристикой умного человека является способность признавать свои ошибки:

He is well onward in the way of wisdom, who can bear a reproof and mend by it.

It is a great point of wisdom to find out one's own folly.

It is a mark of wisdom to dislike folly.

Характеристикой же глупого человека является упрямство:

Fools are not to be convinced.

Forbid a fool a thing and that he'll do.

Wise men change their minds, fools never.

Умному человеку, по мнению англичан, свойственна сдержанность, смиренность. Он способен контролировать свои эмоции, страсти:

He's a wise man that wears poverty decently.

He is a fool who cannot be angry, but he is a wise man who will not.

He's a wise man that leads passion by the bridle.

Характеристикой глупости является **неспособность чувствовать меру**:

*Give a fool rope enough and he'll **hang himself**.*

В пословично-поговорочном фонде английского языка представлены пословицы с гендерной аспектизацией глупости – отмечается, что **глупость характерна женщинам**:

*When an ass climbs a ladder, we may find **wisdom** in **woman***

*Tell a **woman** she is wondrous fair and she will soon **turn fool***

*You may know a **foolish woman** by her finery*

Исследуемые концепты получают также и образное представление в английском языке в виде **персонификации** и **сравнения**, например:

*Wisdom **rides** on the ruin of folly.*

*Wisdom sometimes **walks** in clouted shoes.*

*Fools **grow** without **watering**.*

Таким образом, исследование пословиц об уме и глупости показало, что для английского этноса важным является такой признак ума как немногословность, которая свойственна и мужчине, и женщине; болтливость же является признаком глупости, причем она может довести глупого человека до беды. Ум приобретается в результате жизненного опыта, а глупость нельзя вылечить, она неисправима. В английской лингвокультуре отмечается, что умный человек является редкостью, в то время как глупость широко распространена, также англичанам свойственно осознание прагматической полезности ума, глупых же людей часто используют. Ум в осмыслении англичан ассоциируется с честностью, глупость – с опасностью.

В английских пословицах мы находим противоречивое отношение к уму. С одной стороны, англичане высоко ценят ум, с другой стороны, утверждается, что лучше быть везучим, чем умным. В английских пословицах отражено мнение о том, что глупцам живется легче, в силу их низкого уровня умственной способности к познанию действительности, неспособности оценить ситуацию. Характеристикой умного человека является способность признавать свои ошибки, характеристикой же глупого человека является упрямство. Умному человеку, по мнению англичан, свойственна сдержанность, смиренность, способность контролировать свои эмоции, глупый неспособен чувствовать меру.

В пословично-поговорочном фонде английского языка представлены пословицы с гендерной аспектизацией глупости – отмечается, что глупость характерна женщинам.

Концепты «ум» и «глупость» получают также метафорическое выражение в английском языке.

Библиографический список

1. Большой сборник пословиц [Электронный ресурс]. URL: <http://posloviz.ru/>

2. Дзюба Е. В., Тарасенко Е. О. Концепты интеллектуальной сферы в русском, английском и французском языках (на материале пословиц и поговорок) // Лингвокультурология. Выпуск 3, 2009. – С. 62–68.
3. Кацюба Л. Б. Детерминация паремии как единицы языка и коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. – С. 53–57.
4. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. I. Архангельск, 1997. – С. 11–35.
5. Robert Christy, comp. Proverbs, Maxims and Phrases of All Ages. – 1887. URL: <http://www.bartleby.com/89/>



VI. DEVELOPMENT OF ETHNIC AND PERSONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL EXCHANGE



TOLERANCE OF CULTURES IN THE CONTEXT OF THE CROSS-CULTURAL CONTACTS

O. Yu. Kolosova

*Candidate of Philosophical Sciences
assistant professor
Stavropol branch, Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
Stavropol, Russia*

Summary. Disclosure of cross-cultural tolerance as positive relation to foreign culture on the basis of value of culture variety requires consideration of society culture, ethnic, personal, cultural identity, cultural stereotypes, polycultural societies, strategy of acculturation and cross-cultural contacts.

Keywords: culture; cultural identity; cross-cultural tolerance; acculturation; cultural policy; polycultural society; ethnocultural identity.

The universal, civilization, regional, national, ethnic variety and interaction of cultures in the context of globalization turned into a problem which is comprehended in a broad range from need of forced tolerance and control of aggression for the survival, to need of mutual respect and the strategy of a cooperation for the development [3]. This range of tolerant qualities and the relations of persons, societies and cultures resists to intolerant qualities and the relations of intolerance and aggression to foreign culture [4, p. 28–34].

Culture is a system of knowledge, values, regulations and their native speakers existing in mental, behavioural and artifact forms, testing and influencing human-being, society and nature [6, p. 21–24]. It is supposed that other basic culturological concepts can be generalization or specification of concepts of this determination, anyway – removed from this determination. The person is understood however as a biosociocultural being, society as a system of the interconnected people and their relations, and nature as a set of physical and biological elements and systems [2, p. 16–27].

Culture itself, which bearers are also people and groups, can be more tolerant or intolerant on its values and regulations during a certain period of time. People can change the phenomena of their culture in desirable way that depends on their cultural identity, cultural competence, culture-making activities and cross-cultural strategy [13, p. 39–44]. Cultural identity is a representation and

attitude towards themselves of persons and communities as to culture-bearers [10, p. 33–36]. It can include universal, civilization, regional, national, ethnic, local and other types of identity. Identity is fixed and expressed in the self-name and other symbolical forms: language, symbols, clothes, rituals. For a certain social group these means play a role of the cultural integrating signs concerning the members (phenomena), and cultural differentiating signs concerning other groups (phenomena) [1, p. 95–100].

Cultural identity and cross-cultural tolerance act as approved representations and relations keeping cultural diversity and development. There are national societies with more or less ethnocultural, language, religious diversity [8, p. 123–128]. In the modern world it is difficult to find society which would have one culture, one language, one religion and the unique identity characterizing all population.

Despite this obvious fact, some people continue to think and behave as if their societies are culturally uniform (or if they aren't such now, then they should be). Culturally the pluralistic society is a consolidation where different cultural groups with general social and political structure live [7, p. 139–144]. It is better to use the concept “multicultural society”, as the pluralistic society assumes not only a cohabitation, but, both acceptance of a variety and equality of cultural persons and groups. They keep feeling of the cultural originality and take part in social structure which is characterized by some general values and regulations (legal, economic, political agreements) how to live together. They distinguish voluntary and forced, local and migrating, permanent and temporary members of polycultural society. Process of acculturation and cross-cultural relations depends on their status, positions, resources [5, p. 106–110].

Acculturation is cross-cultural interference or unilateral influence which is one of the forms of cultural change [11, p. 282–284]. It is important to carry out distinction between group and individual level of acculturation. Unlike group acculturation, determines psychological acculturation as changes which are undergone by the personality as a result of contact with other cultures and as a result of participation in acculturation process through which its cultural group passes. In spite of the fact that process of acculturation can be destructive (elimination or absorption), it can also be constructive when certain people and groups recover the initial cultures (as a result of rebirth or repeated approval of cultures) [9, p. 113–117]. The acculturation strategies are preferred nature and consequences of cross-cultural interaction. It is preference of cultural groups to keep or not to keep the cultural heritage and identity, to contact or not to contact to wider society and to take or not to take part in it along with other cultural groups [12, p. 102–107].

In the polycultural country, with ethnic minorities and ethnic majority, there are four options of ethnocultural identity for members of ethnominorities: isolated – weak identification with basic culture, strong – with its own basic culture; assimilated – strong identification with basic culture, weak – with its own

basic culture; integrated – strong identification both with basic culture, and with the ethnoculture; marginal – weak identification both with basic culture, and with ethnoculture.

Referred to the strategy of the dominating groups it is necessary to use other terms. It is obvious that the strategy of integration can exist only in the societies, multicultural in which there are certain prerequisites [14, p. 82–89]. They are: universal acceptance of cultural diversity as values for society (availability of multicultural ideology); rather low level of prejudices; positive relations between cultural groups (any special manifestations of intergroup hatred), and also feeling of belonging to a big society. Multiculturalism is a valuable orientation which accepts both preserving cultural identity of groups, and contact, and participation of all groups in the big pluralistic society. Multiculturalism assumes existence of uniting structure of general values which work as a support in the multiethnic state. Of all others strategies this particular multiculturalism implies obvious cross-cultural tolerance.

Bibliography

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 3-1. – С. 95–100.
2. Бакланова О. А. Проблема конституирования социокультурной идентичности в современном обществе // Высшая школа – региону : сборник научных статей. – Пятигорск, 2013. – С. 16–27.
3. Говердовская Е. В., Антюхина А. В., Шульженко В. И. Актуальные проблемы духовной жизни личности и общества: региональный аспект. – Волгоград, 2014.
4. Говердовская Е. В. Социокультурные и этнологические особенности региона – основа модернизации высшего образования на Северном Кавказе // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2007. – № 7. – С. 28–34.
5. Гончаров В. Н. Политическая информация в общественной системе // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 3. – С. 106–110.
6. Гончаров В. Н. Информационная потребность в обществе: социокультурный аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 6. – С. 21–24.
7. Деркачев Г. И., Бакланов И. С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 139–144.
8. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 2. – С. 123–128.
9. Камалова О. Н. Развитие представлений об интуиции в русской философии конца XIX – начала XX в // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. – № 1. – С. 113–117.
10. Камалова О. Н. Особенности понимания интуиции в философии С. Л. Франка // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 1. – С. 33–36.
11. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. – 2014. – № 7-2 (46). – С. 282–284.

12. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 13. – С. 102–107.
13. Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 3 (82). – С. 39–44.
14. Месхи Б. Ч., Несмеянов Е. Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 82–89.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ «ВОСТОК-ЗАПАД» (на основе анализа творчества О. Памука)

Д. В. Дворцова

*Аспирант
Адыгейский государственный
университет
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия*

Summary. The article reveals the content of the concept of «identity». The special attention devotes to the East-West dichotomy and the Turkish identity crisis. This article considers the problem of identity through the novel of Orhan Pamuk «The Black Book».

Keywords: identity; Turkey; East-West dichotomy; Orhan Pamuk; «The Black book».

Характер турецкой национальной идентичности, само существование турецкой национальной идентичности лежит в основе дискуссий Турецкой Республики о ее прошлом и настоящем. Идентичность в контексте философского знания трактуется как «соотнесенность чего-либо («имеющего бытие») с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости». В антропологическом контексте идентичность рассматривается как «представление человека о своем «Я», характеризующееся субъективным чувством индивидуальной самотождественности и неделимости». Динамические, процессуальные аспекты формирования идентичности принято определять понятием идентификации. Самоидентификация означает обретение субъектом идентичности, то есть внутреннего соответствия внешнему миру. Самоидентификация связана с вхождением в некий сегмент исторического времени и сопрягается с чувством устойчивости и непрерывности своего «Я» во времени и пространстве. На мировоззренческом уровне самотождественность и целостность индивидуального «Я» соотносится с верой человека в тождественность и целостность образа мира, разделяемого с другими. Таким образом, самоидентификация обеспечивает социальное и душевное (психическое) равновесие [1].

На протяжении долгих веков Турция являлась центром мусульманского мира. Османская империя до сих пор по праву считается ярким примером восхождения традиционного ислама. Практически все стороны общественной жизни были подвержены глубокому влиянию исламской религии и культуры. Тем не менее, со временем отдельные исламские принципы и институты стали замедлять поступательное развитие государства. Это стало одной из причин Танзимата – масштабных реформ, предпринятых в Османской империи в середине XIX в. Итогом этих перемен стал курс на заимствование европейского опыта. Распад Османской империи по окончании Первой мировой войны и провозглашение империи республикой (1923 г.) поставили страну на путь лаицизма – принципа светскости государства, что напрямую связано с деятельностью Мустафы Кемаля Ататюрка, основателя и первого президента современного турецкого государства [4]. С этих пор развитие турецкой национальной идентичности проходило в рамках турецкой модернизации с помощью правовых, а также социальных, образовательных и культурных реформ [10].

Итак, если турки действительно имеют единую национальную идентичность, то какую? Турки видят себя европейцами или жителями Востока? Какое место религия и этническая принадлежность занимают в турецкой национальной идентичности? На эти вопросы нет однозначного ответа. Любой ответ неизменно поднимает множество дополнительных вопросов и часто ожесточенных споров [12].

Следствием вестернизации и европеизации турецкого общества стало постепенное стирание культурной идентичности. Турецкий народ подвергся целенаправленному влиянию европейской культуры, был насильственно оторван от своих традиций. Непостоянство образа и положения человека стало обыденным явлением. В конечном итоге это привело к осознанию кризиса идентичности, отсутствию у человека однозначного образа себя. У человека зарождается чувство нетождества самому себе, ощущение несоответствия себя своему образу, чувство выпадения из реальности [2].

Турция является разорванной, разделенной страной в связи с тем, что общество принадлежит одновременно и к западной, и к восточной цивилизациям. Население Турции на 99 % составляют мусульмане, но во многих отношениях это страна разрывается между наследием ислама и желанием стать настоящими европейцами. Турки сегодня обсуждают собственную идентичность лицом к лицу с Европой, исламом, кемалистским секуляризмом и своим османским прошлым, разрываясь между своими исламскими корнями и перспективами современного развития на примере Запада [6].

Значительный интерес для исследования проблемы кризиса идентичности в современной Турции, по нашему мнению, представляет творчество турецкого писателя, публициста и лауреата Нобелевской премии по литературе (2006 г.) Орхана Памука. Дихотомия «Восток-Запад», равно как и вопрос о турецкой идентичности, отношение турецкого народа к своему

прошлому и настоящему, к месту Турции в Европе, а также утрата традиционных ценностей занимают центральное место в деятельности писателя.

В пресс-релизе, сообщаящем о присуждении Нобелевской премии, шведская Академия наук оценила Памука как писателя, «который в поисках меланхолической души родного города нашел новые символы для столкновения и переплетения культур». Писатель исследует напряженность в отношениях между Востоком и Западом в различных исторических контекстах. Однако, как отметила шведская Академия, для Памука в рамках столкновения культур в равной степени важно изучение их «переплетения» и «смешения», а также феномена, который приводит не к конфликту, а к развитию транснациональной гибридности. Романы Памука характеризуют не столкновение между Востоком и Западом, а скорее давний контакт между двумя цивилизациями, ряд кросс-культурных взаимодействий [7]. Турки оказались вынужденными воспринимать себя одновременно принадлежащими к турецкой нации, исламской вере и к западной цивилизации [11]. Тем не менее, Памук подмечает, что Турция не является частью Запада, и что жизнь на краю Европы скорее означает для нее наличие большого соблазна подражания Европе в ущерб собственной культуре, собственной идентичности [9].

Проблема национальной идентичности является одной из ведущих тем произведений Памука, и мы можем рассмотреть это на примере его романа «Черная книга», опубликованном в Турции в 1990 г. [3]. «Черная книга» получила широкий отклик от западных критиков. Одна часть таинственного романа повествует о поисках в районах Стамбула пропавшей жены главного героя, которого зовут Галип. Другая часть стилизации прерывает таинственный сюжет посредством вымышленных колонок в газетах, написанных Джелялем, двоюродным братом Галипа. «Черная книга», как правило, характеризуется как постмодернистский роман, но также здесь присутствует исламская литературная традиция, восходящая к первым векам ислама. За исключением адаптации Памуком некоторых исламских мотивов, эта традиция полностью исчезла из современной турецкой литературы вследствие культурных перемен, происходивших в Турции в этом столетии. «Черная книга» может быть истолкована как книга о литературе. Сюжет показывает, как главный герой приобретает вкус к литературе и умение рассказывать истории. В романе содержатся глубокомысленные дискуссии на тему плагиата. Джеляль взял (или украл) большинство тем своих статей у суфийских поэтов, а одна из его статей явилась карикатурой на притчу «Великий инквизитор» Ф. М. Достоевского в романе «Братья Карамазовы». Литературный мотив книги – «оригинальность против плагиата» является аналогом, тождеством проблематики национальной идентичности: быть самим собой или кем-то еще. Что касается темы, стиля и языка книги, то они настолько сложны, что каждый читатель должен решить, что имеет смысл, а что ничтожно. Таким образом, читатель становится Галипом, бродя по ули-

цам Стамбула в поиске улик, гонясь за неуловимой супругой или самоидентичностью, или наваждением. Роман имеет политический аспект, а также содержит текущие комментарии по Турции: о ее многоликости, наследии деспотизма и мятежей, о древнейших внутренних конфликтах между Востоком и Западом, между прошлым и настоящим [5].

Глава, в которой главный герой попадает в подземное ателье, подробно раскрывает проблему национальной и личностной идентичности. Ателье представляет собой хранилище манекенов, созданное отцом нынешнего владельца, который хотел заполнить это помещение «настоящими турецкими людьми», а не «копиями иностранцев». Владелец ателье не без сожаления объясняет Галипу, что в свое время никто не захотел покупать этих «настоящих турок, настоящих граждан». Он утверждает, что турки уже не хотят быть турками, но хотят быть кем-то другим. Именно так они пришли к соответствующему виду одежды, стали брить бороду, перестраивать свой язык и свой алфавит. Это критический намек на реформы, с помощью которых Ататюрк основал Турецкую Республику. По его мнению, вестернизация сделала бы турок современными. Если турки говорят о реформах Ататюрка никак иначе, чем с благоговением, то Орхан Памук говорит, что эффект реформ обязал турок стать самозванцами, подражающими западным идеалам, но не доросшими до них. Пыльный подвал ателье под Стамбулом, полный пластиковых людей, является центральным образом и олицетворяет все старое и забытое, представляя собой великолепную метафору, которая наглядно демонстрирует, как работает культурная память. Памук показывает сложность турецкой нации, попавшей в западню между Востоком и Западом, и он это делает в точности так, как и должно быть в романе: внедряет конкретную ситуацию через человеческий образ. Когда Галип сталкивается с этим подвалом в его родном городе, он приглашает читателей, дабы показать, что он чувствует в данный момент истории его мира, его нации и его самого [8].

Таким образом, после почти столетней целенаправленной вестернизации Турция претерпела огромные изменения. Несмотря на это, глубокие исламские корни турецкой жизни и культуры до сих пор живы, и в итоге «конечная» личность турка в Турции по-прежнему остается без ответа. Современный турок одновременно является и мусульманином, и европеизированным членом современного мира.

Орхан Памук как представитель турецкого народа посредством своего творчества хочет выразить неоднозначность турецкой идентичности, показать, что в душе современного турка сплелись воедино и Восток, и Запад, тем самым реализуя синтез между двумя цивилизациями в противовес тезису о «борьбе культур».

Библиографический список

1. Абаджи О. В. Место традиции в культурной самоидентификации. // Вестник Воронежского государственного университета. – 2007. – № 2. – С. 142–144.
2. Очиров М. Н. Кризис идентичности: пути преодоления // Вестник Бурятского университета. – 2010. – № 15. – С. 90–93.
3. Памук О. Черная книга / пер. с тур. – СПб., 2009.
4. Турция на рубеже XX–XXI вв. / сост. и отв. ред. Зайцев И. В. и Ульченко Н. Ю. – М., 2008. – С. 198–199.
5. Brendemoen B. Orhan Pamuk and his Black book [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orhanpamuk.net/popuppage.aspx?id=75&lng=eng> (дата обращения: 3.09.2016).
6. Coury D. “Torn country”: Turkey and the west in Orhan Pamuk's Snow. [Электронный ресурс]. // Summer. 2009. Vol.50. No.4. P.340-449. URL: https://www.academia.edu/535182/_Torn_Country_Turkey_and_the_West_in_Orhan_Pamuks_Snow (дата обращения: 3.09.2016).
7. Coury D. То же. // Summer. 2009. Vol.50. No.4. P.340-449. URL: https://www.academia.edu/535182/_Torn_Country_Turkey_and_the_West_in_Orhan_Pamuks_Snow (дата обращения: 3.09.2016).
8. Fisk G. Orhan Pamuk and the Turks [Электронный ресурс]. URL: <https://nplusonemag.com/issue-6/reviews/orhan-pamuk-and-the-turks/> (дата обращения: 3.09.2016).
9. Pamuk explains “Living on the edge”. Электронный ресурс. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/pamuk-explains-living-on-the-edge-10607679> (дата обращения: 3.09.2016).
10. Schon A. M. The construction of turkish national identity: nationalization of islam & islamization of nationhood. [Электронный ресурс]. // National and Religious Identities in an Age of Globalization. 2013. P. 2 URL: http://www.tilburguniversity.edu/upload/4a61e225-9a7a-4c58-a55c-dc711ca52b44_Anna%20Marisa%20Schoen%20-%20The%20Construction%20of%20Turkish%20National%20Identity.pdf (дата обращения: 3.09.2016).
11. Schon A. M. То же. [Электронный ресурс]. // National and Religious Identities in an Age of Globalization. 2013. P. 2 URL: http://www.tilburguniversity.edu/upload/4a61e225-9a7a-4c58-a55c-dc711ca52b44_Anna%20Marisa%20Schoen%20-%20The%20Construction%20of%20Turkish%20National%20Identity.pdf (дата обращения: 3.09.2016).
12. Waxman D. Islam and turkish national identity: a reappraisal. [Электронный ресурс]. // THE TURKISH YEARBOOK. 2000. Vol.XXX. P.1-22 URL: <http://file.setav.org/Files/Pdf/islam-and-turkish-national-identity--ankara-univ.-year-book-2000.pdf> (дата обращения: 3.09.2016).

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ АСПЕКТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

М. Р. Москаленко

*Кандидат исторических наук, доцент
Российский государственный
профессионально-педагогический
университет, г. Екатеринбург, Россия
кандидат политических наук
Национальный исследовательский
университет «МЭИ»
г. Москва, Россия*

И. В. Юдин

Summary. This paper discusses the issues of patriotic propaganda. It reveals its place and role in political communication. The authors make suggestions for improvement of patriotic education of students.

Keywords: political communication; patriotic propaganda.

Пропаганда патриотизма, уважительного отношения к отечественной культурно-исторической традиции является одной из важнейших задач политической коммуникации и управления общественными процессами. Как показывает исторический опыт, патриотизм и уважение к отечественной культурно-исторической традиции является важным фактором устойчивости к деструктивным воздействиям для любой политической системы.

Отметим, что в современной политике существуют пропагандистские технологии влияния на массы людей с использованием мифологем националистического содержания, которые могут использоваться для дестабилизации социума. Классический пример – СССР, который с началом политики «перестройки» из достаточно стабильной страны превратился в гигантскую арену межнациональных конфликтов, причем поражала та легкость, с которой всевозможные националистические стереотипы подхватывались достаточно образованными людьми. Имели место массовые проявления экстремизма [1, с. 550]. Поэтому важность корректного подхода к вопросам патриотической пропаганды и национальной идентичности в политической коммуникации и управлении общественными процессами крайне высока.

Данная проблема обостряется тем, что в 1990-е гг. в некоторых СМИ велась активная пропаганда исторической ущербности российской цивилизации, отторжение и неприятие собственной культурно-исторической традиции. Радикальные западники старались в особенности развенчать советский период, и слушателям (аудитории СМИ, студентам, школьникам) доказывалось, что Советский Союз являлся настоящей «Империей зла» (по Р. Рэйгану). Этим вносился глубокий раскол в массовое сознание, усиливался конфликт между поколениями, подрывались фундаментальные мо-

ральные ценности, поскольку уважение к собственной истории и культуре является основой духовного и нравственного здоровья личности и нации.

В политической коммуникации пропаганда патриотизма и формирование у населения чувства гордости за свою страну очень важны. В истории есть примеры, когда недостаточное внимание к патриотическому воспитанию становилось фактором дестабилизации социума. Так, например, установки служения обществу и Отечеству, характерные для российского дворянства, не успели сформироваться у бывших крепостных в период после отмены крепостного права [2, с. 260], и, естественно, это не лучшим образом повлияло на социальную стабильность российского общества в начале XX в.

Авторам представляется, что патриотическая пропаганда в политической коммуникации должна основываться на следующих положениях:

1. Масштабная организация мероприятий по празднованию памятных дат из истории Отечества; чувство приобщенности к значимым историческим событиям может задавать коллективную идентичность и содействовать формированию патриотических настроений. Акцентирование внимания на совместных исторических задачах, которые приходилось решать различным народам России (самый наглядный пример – защита Отечества в годы Великой Отечественной), позитивная рефлексия исторического опыта;

2. Ведение работы по профилактике экстремизма, развитию толерантности [1].

3. Работа по разъяснению деструктивных околонаучных мифологем и концепций [3, с. 38], в которых очерняется отечественная культурно-историческая традиция.

Библиографический список

1. Антропология деструктивности : коллективная монография / Суслонов П. Е., Исаев А. А., Кислов А. Г. и др. – Екатеринбург, 2012.
2. Дашкевич Л. А., Ларионова М. Б., Неклюдов Е. Г., Шалина И. В. Повседневная жизнь провинциального имения: дневник слуги уральских помещиков Голубцовых // «Quaestio Rossica». – 2015. – № 1. – С. 255–274.
3. Москаленко М. Р., Дорошенко В. А. Ученая дисциплина «История науки и техники» в контексте эволюции системы образования // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – Т. 104. – № 3. – С. 33–40.
4. Першина В. М., Москаленко М. Р. Противодействие политическому экстремизму в правовой традиции дореволюционной России // Экономика и социум. – 2015. – № 3-2 (16). – С. 550–553.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОТОМКОВ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАКОВ

Ф. Ф. Саетгалиева

*Кандидат философских наук, доцент
Казанский государственный
аграрный университет
г. Казань
Республика Татарстан, Россия*

Summary. The article is devoted to the problem of ethnic identification of the descendants of mixed marriages. Shows different approaches to the definition of ethnicity in the aspect of the problem of ethnic identification of the descendants of mixed marriages. The peculiarities of mixed ethnic identities in the Russian society.

Key words: ethnicity; ethnic identity; the descendants of inter-ethnic marriages.

Кардинальные социально-экономические, политические и культурные преобразования, происшедшие в российском обществе, безусловно, отражаются на внутреннем мире людей, на процессе их социализации и формирования социальной, культурной, этнической и личностной идентичности. Основой социального положения каждого гражданина является его культурная или этническая принадлежность.

В разные эпохи соотношение духовного и национального начала в формировании идентичности было различным. До революции при переписи населения указывалось вероисповедание человека, а не его национальная принадлежность. В советское время имела значение только национальная идентичность, а религиозная принадлежность игнорировалась. Очевидно, что современная российская идентичность должна учитывать и духовное, и национальное начало, поскольку они являются важнейшими факторами самоидентификации человека.

Не возникает проблемы этнического самоопределения у человека, если его родители принадлежат к одной и той же этнической группе и его жизненный путь проходит в ней. Однако для выходцев из межэтнических, межконфессиональных браков вопрос с определением этнической идентичности становится более сложным и запутанным.

Проблематика смешанных этнических идентичностей в отечественной науке слабо изучена, да и в западной этносоциологии, этнопсихологии на данный момент нет единого мнения, преобладают два подхода: примордиалистский и конструктивистский. С точки зрения примордиалистского подхода, этническая идентичность существует независимо от воли и сознания индивида, она присуща ему от рождения, может быть установлена объективно с помощью какого-то мерила [3]. Сторонники конструктивистского подхода считают, что этническая идентичность как принадлежность индивида к этнической общности означает, прежде всего, субъективный

выбор самого индивида. На наш взгляд, более правильным можно считать конструктивистский подход, учитывающий самоидентификацию человека.

Ребенок, родившийся в межэтнической семье, вынужден выбирать национальную принадлежность одного из родителей. Известны также случаи, когда выходец из межэтнической семьи идентифицирует себя с совсем иным, нежели его родители, – третьим этносом, в зависимости от той социокультурной среды, в которой он вырос. К примеру, при объективно белорусско-татарском происхождении респондент считает себя русским [1, с. 171].

Как отмечают исследователи, этническая идентичность потомков межнациональных браков может быть либо маргинальной, – если человек не включен ни в одну из этнических групп, либо медиумной – когда человек принадлежит сразу двум этническим общностям [2, с. 47.]

Обладание медиумной идентичностью дает ряд преимуществ: знание и понимание нескольких культур, особенно языков, традиций; умение находить общий язык с представителями разных национальностей; широкий кругозор и взгляды на жизнь; толерантность, богатство и разносторонность личности [1, с. 172].

Среди негативных и создающих проблемы особенностей человека со смешанной идентичностью отмечают: внутренняя рассогласованность: «Я не знаю, кто я!»; дискомфорт от невозможности отнесения себя к конкретной национальности и культуре; угроза быть «меж двух огней»; проблемы, связанные с необходимостью выбора религии и т. п.

Следует признать, что проблема определения этнической идентичности детей из смешанных браков сама по себе довольно сложна и требует дальнейшего углубленного исследования.

В настоящий период в России доминирует ориентация на политику ассимиляции, что предполагает включение носителей смешанных идентичностей в сообщество российской гражданской нации в качестве равноправных членов общества.

Библиографический список

1. Низамова Л. Р. Смешанные этнические идентичности в мультикультурном обществе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, кн. 5.
2. Осипова О. В. Этническая идентификация потомков межнациональных браков: интерпретации и подходы // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28.
3. Фадеичева М. А. Национальная и этническая идентичность: гражданин между холизмом и робинзонадой // дискурс ПМ. URL: <http://discourse-pm.ur.ru/avtor/fadeicheva.php>. (Дата обращения 13.09.2017).



**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016–2017 ГОДАХ**

Дата	Название
10–11 октября 2016 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2016 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2016 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2016 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2016 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2016 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2016 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2016 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2016 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук
15–16 января 2017 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2017 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2017 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2017 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2017 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений
10–11 февраля 2017 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2017 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2017 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2017 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2017 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2017 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2017	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
5–6 марта 2017 г.	Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях
13–14 марта 2017 г.	Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты

15–16 марта 2017 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2017 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2017 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2017 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2017 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2017 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2017 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2017 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2017 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2017 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2017 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2017 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2017 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2017 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2017 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2017 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2017 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2017 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2017 г.	Текст. Произведение. Читатель
25–26 мая 2017 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2017 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2017 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2017 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2017 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2017 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2017 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.

5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор за 2015 г.
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • Infobase Index (Индия)	• Global Impact Factor – 1,041, • Scientific Indexin Services – 1,09, • General Impact Factor – 2,1825, • Scientific Journal Impact Factor – 4,22, • Research Bible – 0,781, • Infobase Index – 2,06, • РИНЦ – 0,119
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия)	• General Impact Factor за 2015 г. – 1,5947, • Scientific Journal Impact Factor за 2015 г. – 4,061.
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай)	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай)	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай)	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай)	

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» – VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered)

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered)

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian (Slavic) State University
Kuban State Technological University
Kuban State University
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

ETHNOCULTURAL IDENTITY AS A STRATEGIC RESOURCE OF CONSCIOUSNESS OF SOCIETY IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Materials of the IV international scientific conference
on September 28–29, 2016

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Do sazby 1.10.2016
Formát 60x84/16
Papír bílý standardní
Počet tiskových archů 5,3.
Tiráž 100 ks

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosphera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz